

В. ПИРОЖКОВА

Классовый человек

Коммунизм рассматривает человека как существо возникшее, становящееся, а не созданное. Человек по мнению марксистов возник в процессе труда. Человекоподобный предок человека взял якобы совершенно инстинктивно в руки палку или камень и начал производить действия, похожие на труд. Этот чисто инстинктивный труд создал мысль, сознание, и тем самым создал самого человека. Следует подчеркнуть, что труд не пробудил в человеке мысль, а именно ее создал. Если бы он ее только пробудил, то дело бы шло о чем-то потенциально уже существовавшем, заложенном в человеке. По мнению же марксистов путем труда человек возник, и труд продолжает его как бы создавать дальше. Человек все время и притом коренным образом меняется.

Так что, по мнению марксистов, в человеке нет ядра личности, присущего ему как человеку. В нем нет никакой основной субстанции, которая делает его человеком и остается неизменной при всех изменениях, претерпеваемых человечеством. Такое внутреннее личное «Я» делает человека человеком, определяет его достоинство как человека, независимо от его среды, воспитания, профессии, убеждений. Но по мнению марксистов такого личного «Я» не существует. Человек определяется его средой и может быть совсем изменен, если изменяется среда вокруг него. Человек — это все время изменяющееся существо. Человек далекого будущего будет, может быть, так же отличаться от современного человека, как этот последний отличается от обезьяны. Богданов писал, что современный человек — это только предчеловек и еще не заслуживает названия человека, а настоящий человек еще придет. Ленин и его последователи были во многих вопросах философии не согласны с Богдановым. Они также не употребляли термина «предчеловек», но они тоже уверены в том, что человек все время меняется в самой своей сущности и притом непременно к лучшему. Коммунизм в теории полон оптимизма в отношении прогресса не только человеческого общества, но и самого человека. Однако именно поэтому современный, конкретный, живой человек представляется последователям коммунизма не абсолютной, а лишь относительной ценностью. Человек будущего для них важнее человека настоящего. Блистательному человеку будущего может, и даже должен быть подчинен и, если нужно, жертвован человек настоящего. На живущего теперь человека коммунистическая идеология смотрит как на переходную ступень к этому будущему человеку. Она оценивает его преимущественно с этой точки зрения. По мнению коммунистических идеологов человека формирует его среда, и он в высшей степени воспитуем, по крайней мере до тех пор, пока он еще ребенок. Некоторые советские авторы даже утверждали, что маленький ребенок еще не человек. Человек из него возникает только постепенно путем воспитания. Но они никак не могли определить, в какой же момент из ребенка — не человека вдруг возникает человек. И вот, выросший в якобы неподходящей, например, буржуазной среде человек уже испорчен. Он

стал не настоящим человеком, не полностью человеком. Поэтому с ним и нельзя обращаться как с полноценным человеком. В советско-марксистской идеологии нет места воззрению, что всякий, даже преступный человек, представляет собой известную ценность, просто как человек. Эта идеология не согласна с тем, что каждый человек может претендовать на какой-то минимум прав, присущих ему просто как человеку. Марксисты отрицают понятие естественного права. Еще Плеханов издевался над понятием «каких-то прав человека». Права имеет только, так сказать «правильный» человек, то есть человек, который вырос в хорошей с точки зрения марксистов среде, имеет правильные с их точки зрения взгляды и может послужить переходной ступенью к новому человеку будущего. В капиталистическом обществе это пролетариат, или, вернее, рабочий класс, и так называемая «прогрессивная интеллигенция», в Сов. Союзе это некое неуловимое понятие «советские люди». Хотя теперь рабочий класс их сильно разочаровывает, он вовсе не левый и не прокоммунистический.

Поэтому в глазах марксистов не каждый человек заслуживает права называться человеком в полном смысле этого слова. Только люди, находящиеся в рамках определенного коллектива, являются людьми в полном смысле этого слова. Только к ним следует относиться по-человечески. Другие люди, находящиеся вне этого коллектива, «враги», не имеют права на минимум человеческого к ним отношения, даже если они находятся в беде и страдают.

Когда умер известный фанатичный и жестокий начальник Чека Феликс Дзержинский, советская пресса писала о нем: «Золотое сердце перестало биться». Жертвы Дзержинского и вообще все некоммунисты видели в этих словах просто издевательство — как можно палача называть «золотым сердцем»? Но есть свидетельства, что Дзержинский действительно чутко относился к своим партийным товарищам. Он ведь только их считал людьми, и к ним у него было человеческое отношение. А так называемых представителей эксплуататорских классов и контрреволюционеров он за людей не считал и не видел бесчеловечности в жестоком обращении с ними.

В короткий период относительной либерализации в Советском Союзе была напечатана повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Теперь, как известно, повесть эта изъята из библиотек. Но тогда еще существовала надежда, что опубликование этой повести явится началом еще более далеко идущей либерализации. Тогда нашлись смельчаки, выдвинувшие Солженицына в кандидаты на получение Ленинской премии по литературе. Однако, партийная газета «Правда» отвергла кандидатуру Солженицына по очень знаменательной причине. «Правда» писала, что в своей повести Солженицын высказывает «мелкобуржуазную жалость». Он жалеет всех страдающих в концлагерях, независимо от того, сидят они по ошибке или же за дело. По ошибке по мнению «Правды» сидели убежденные коммунисты, остававшиеся таковыми и в

лагере. За дело сидели противники коммунистического режима, несогласные с его идеологией. И даже если они ровно ничего не сделали и были посажены только за свободный образ мысли или лишь в самом концлагере сделались противниками режима, безвинно посадившего их, все равно они не заслуживают никакого сострадания. По мнению «Правды» их жалеть нельзя. Им нельзя оказывать ни малейшего снисхождения. Чувства сострадания или жалости к людям, «несозвучным коммунистическому режиму», «Правда» называет «мелкобуржуазными чувствами» и гневно на них обрушивается.

Известный советский идеолог Шварцман написал книгу под названием «Этика... без морали». Он критикует там этические построения различных западных философов. Между прочим, он полемизирует с английским философом Муром. Мур в своих произведениях по вопросам этики соглашается с тем, что многие человеческие действия относительны. Иными словами, при одних обстоятельствах тот или иной поступок следует назвать дурным, при других обстоятельствах такой же поступок может быть оправдан или даже назван хорошим. Однако, Мур считает, что есть элементарное добро, то есть поступки, которые при всех обстоятельствах следует называть хорошими. В качестве примера он приводит поступок одного английского полковника, сэра Филиппа Сиднея. Сэр Сидней, будучи сам ранен в бою, отдал последний имевшийся у него стакан воды, еще более тяжело раненному солдату. Шварцман не согласен с Муром, что такой поступок всегда следует назвать хорошим. Он считает, что если раненый солдат как раз намеревался бежать с поля брани и был застигнут ранением в последний момент, то сэр Сидней имел полное право вылить воду на землю перед глазами раненого и страдающего солдата. Иными словами, Шварцман одобряет садизм по отношению к человеку, который по его мнению провинился перед данным коллективом. Человечность, жалость, сострадание не применимы к виновнику по отношению к коллективу, а тем более к инакомыслящему или противнику. Эти люди в глазах советских идеологов не являются людьми в полном смысле этого слова. Людьми можно считать только людей своего коллектива, твердых и непреклонных коммунистов, которые остаются таковыми, даже оказавшись в заключении в советских же концлагерях. Шварцман только признает, что спасение жизни маленького ребенка всегда является хорошим поступком. Ребенок еще воспитуем, и из него можно сделать хорошего коммуниста.

Аналогичную психологию мы встречаем в другом тоталитарном режиме, именно у национал-социалистов. Гиммлер призывал эсэсовцев «быть порядочными» и не обогащаться лично деньгами или ценными вещами убиваемых ими евреев. Убивать неповинных людей не считалось преступным или хотя бы только непорядочным. В своей знаменитой речи в Познани в 1944 году Гиммлер сказал: «Один принцип должен быть для эсэсовца абсолютно непререкаем: честными, порядочными, верными и хорошими товарищами мы должны быть по отношению к людям своей крови и больше ни к кому». В этих словах выражен совершенно явно тот же самый принцип коллектива: только люди своего коллектива считаются людьми. По отношению к ним следует быть и честным, и верным, и хорошим товарищем и, конечно, оказывать помощь и сочувствие. Люди же, стоящие вне данного коллектива — не люди. По отношению к ним неприменимы те нормы поведения, которые должны господствовать внутри коллектива. По отношению к людям вне коллектива — все позволено.

Национал-социалисты подбирали людей своего коллектива по иному признаку, чем их подбирают коммунисты. У них господствовал принцип крови и расы, а не класса или идеологии, но подход к людям внутри и к людям вне коллектива и при одном и при другом тоталитарном режиме сходны.

Александр Герцен хотел в свое время освободить людей от всех внутренних и внешних связей, налагаемых на них религией, моралью, понятием долга, государством и его законами и так далее. Герцен предвидел возражение, что тогда люди будут совершенно несдержанны, общество распадется и начнется война всех против всех. Он отвечал на это, что человек, заслуживающий имя человека, должен стоять высоко. Соответственно этому он и будет поступать. Никто не говорит, что на пчеле лежит священная обязанность делать мед, она его делает просто потому, что она пчела. Так и человек, заслуживающий имя человека, будет поступать превосходно. Иначе он не сможет называться человеком.

Здесь сразу же встают два вопроса. Кто судья? Кто будет решать, какой человек заслуживает имя человека, а какой нет? И затем: что делать с людьми, которые якобы не заслуживают имени человека? Герцен, сказавший это необдуманно, и не предполагал, что в 20 веке тоталитарные режимы присвоят себе право решать, кого можно назвать человеком и кого нет.

Г. ПОМЕРАНЦ

Человек без прилагательного

*... И потому туман вдали
Роднее нам, чем род и племя,
И внятней голосов земли.*
З. Миркина.

Все чаще и чаще из России на запад теми или иными путями проникают материалы так называемого «Самиздата».

Так попали в нашу редакцию и оба материала, предлагаемые нами ниже вниманию наших читателей (Г. Померанц «Человек без прилагательного» и С. Зорин и Н. Алексеев. «Время не ждет»).

Мы печатаем эти материалы, конечно, без ведома и согласия их авторов.

Нам думается, что мысли и поиски русской интеллигенции на родине не могут не быть интересны русской интеллигенции за рубежом. Если публикация здесь «самиздатских» материалов вызовет дискуссию, то таким образом сможет начаться своего рода диалог.

Мы будем рады, если наш журнал сможет оказать содействие осуществлению такого диалога.

Мы живем на пороге нового Вавилона. И не можем не оглядываться назад, на доброе старое время. Но мы не можем вернуться назад.

Недавно одна девушка-фольклористка выходила замуж. Невеста и ее подружки исполняли вологодский свадебный обряд. Гости старались вжиться в свои архаические роли, тысяцкий (он, кстати сказать, был евреем) делал это довольно артистично. Но все было игрой. Старая вологодская деревня, в которой иначе справить свадьбу просто невозможно было подумать, и этот обряд, завещанный бабками, сберегли через тысячу лет — стали такой же экзотикой, как Таити. Девушки-африканистки могли бы исполнять танцы с там-тамом, а студенты-индологи — танцы Радхи и Кришны. Все это одинаково легко входит в стены московской квартиры.

Но, что было когда-то единственным, жизненно необходимым занятием, становится игрой, одной из многих игр, которую можно полюбить или забросить. Австралийцы, бушмены, пигмеи живут тем, что собрали за день в лесу или в пустыне; мы ходим по грибы. Крестьяне вкладывают в землю всю свою жизнь; мы окапываем яблони на десяти или тридцати сотках. Это хорошая игра. В ней часто больше творческого, чем в будничной умственной работе. Но можно ничего не собирать в лесу, кроме солнечных зайчиков, и это даже лучше. А грибы или яблоки продаются на базаре. Всерьез мы работаем головой за своим письменным столом. Всерьез мы живем в Вавилоне, а в Аркадию только играем.

Мы едим хлеб, сжатый и обмолоченный людьми, которых по привычке называем крестьянами, но мы не живем в крестьянском обществе, мы не окружены народом. Крестьянство становится слишком мало, чтобы окружать нас. В Соединенных Штатах сельским хозяйством занимается 7% населения. Больше не нужно, чтобы обеспечить остальные 93 процента хлебом, маслом и молоком (300 литров на человека в год; в Индии — 6 литров; сколько у нас — Бог весть). Даже остаются излишки, чтобы подкармливать крестьянскую Индию, где хлебопашествует 80 процентов населения.¹

Фермеров в США меньше, чем студентов и профессоров университетов. Но главное то, что фермер — уже совсем не крестьянин. Это работник сельского хозяйства в научно-промышленном обществе. Он гораздо дальше от крестьянина, чем традиционный ремесленник (труженик города в обществе, костяком которого было крестьянство). Возьмем еще более крайний, еще более парадоксальный случай: в Израиле кибуцники, образцовые сельские хозяйства, у которых учатся агрономы Африки и юго-восточной Азии, создали лигу борьбы с религиозным принуждением. Это носители «городского» научного мировоззрения; а ремесленники, вывезенные в 1948 г. на самолетах из Йемена, бросают камни в автомобили, нарушающие день субботний.

Крестьяне и ремесленники вместе берегли, как зеницу ока, веру отцов, обряды отцов и составляли народ, с народными песнями, с народной вышивкой и народными предрассудками. А что поют колхозники? Да то же, что и пролетарии. Какие-то остатки крестьянского наследия, какие-то мелодии, вбитые в школе, в армии, по радио.

Крестьянство исчезает. Оно оставило глубокий след в нравственном и эстетическом сознании человечества, оно было мостом между племенем и чем-то еще, что еще только складывается. Но оно исчезает.

Кажется, что этого не может быть. Что народ и общество неотделимы понятия, что народ и история — братья-близнецы, и там, где есть общество, история, непременно должен быть народ. Но где он, этот народ? Настоящий, народный, пляшущий народные пляски, сказывающий народные сказки, плетущий народные кружева? В нашей стране остались только следы народа, как следы снега весной, островки снега в глухих углах леса. Есть еще углы, где можно записать вологодский свадебный обряд, где доживает свой век старуха Матрена и реабилитированный Иван Денисович. Но народа как великой исторической силы, станового хребта культуры, как источника вдохновения для Пушкина и Гете — больше нет.

Пролетариат, городской и сельский, заменил народ в политической жизни, но не в духовной жизни общества. После всех попыток Пролеткульта, пролетарского искусства и великой пролетарской культурной революции в Китае, от рабочего ничего уже и не ждут в этой области. К нему обращаются только тогда, когда надо посеять очеред-

ного интеллигента. И тогда газеты печатают интервью: «Я не читал Пастернака, но...». Или бригады двоечников, срезавшихся на экзаменах, вводят в университет, чтобы бить студентов — как в Варшаве.

Класс, вызванный к жизни первым промышленным переворотом, выросший, как на дрожжах, до 50 процентов населения, создал профсоюзы, советы, забастовки и т. п., без чего нельзя представить себе XX век, но решительно ничего способного оставить прочный, долговечный, вековечный след. Нет никакого особого пролетарского нутра. То, что было названо пролетариатом, в духовном отношении ничем не отличается от остальной урбанизированной массы. Это просто нижний слой ее, без всяких провиденциальных перспектив.

Я помню, на лекции по фольклору профессор Соколов каялся, что в бытность свою буржуазным ученым занимался только крестьянским фольклором и недооценивал пролетарский. После этого перекованный Юрий Матвеевич посвятил целую лекцию, а может быть и две, фабричной частушке. Запомнилась одна, в которой он нашел богатые созвучья и главное — ярко выраженное пролетарское классовое сознание:

Инженеру Покатило
Рожу паром обварило,
Жалко, жалко нам, ребята,
Что всего не окатило!

В первые годы после революции пелись революционные песни, сложенные интеллигентами — народниками и марксистами. Потом пошла в ход блатная лагерная песня, песня вычеркнутых из списков «пролетарской» общественности. А сейчас началось время интеллигентского фольклора. Открывался «животворный родник», из которого хлынула песня, стихи, проза, философские эссе, абстрактная и конкретная живопись. Герою Синявского мерещится, что весь Союз пишет, что в каждом окошке — графоман.

Родник бьет снизу — мимо официальных писательских организаций. Но это совсем не народные низы. Скорее это верхи в смысле образованности. Пишет очень широкий слой — от шофера такси О. до математика В., но явно преобладают верхи.

Появилась потребность осознать себя духовно, оставаясь ученым, интеллектуалом, не бросая своего НИИ.² Это какой-то Ренессанс наизнанку. Тогда художники, (оставаясь художниками) становились математиками. Сейчас математики (оставаясь математиками) становятся художниками и поэтами. Если правда, что нет народа без песен, то именно здесь складывается хребет нового народа — или, быть может, нового слоя, несущего в себе за народную правду и занародную песню. И так же, как народ заменил племя, новое что-то заменит народ. И так же, как неправ бушмен, для которого переход к крестьянскому труду — святотатство, неправ и крестьянин, для которого уход от власти земли, крови родства, «веры отцов» — святотатство. Культура, как змея, просто сбрасывает кожу, и старая кожа, народ, лежит, потеряв свою жизнь, в пыли.

Любопытно, что наши менестрели — какой-то сброд космополитов: полугрузин-полуармянин, еврей, полукореец. Есть, конечно, и чистокровные русские, но все это горожане, горожане без почвенной основы, не дети, а внуки и правнуки крестьянского народа, стоптанного прогрессом в безликую слесарно-бухгалтерскую массу, из которой Сталин брал своих Абакумовых и Рюминых... Это новая элита, устоявшаяся над затихнувшей, переставшей колышаться массой, как над снятым молоком... Можно, конечно, называть народом любую массу трудящихся: язык без костей. Тогда слесари и бухгалтеры, ткачихи и следователи суть народ. Песни, передаваемые по радио, суть народные песни. А Окуджава, Галич, Ким, Высоцкий — гнилые интеллигенты, подвергшиеся растленному влиянию Запада (так это, кажется, звучит на языке супруга

¹ То, что у нас в деревне половина населения, — конечно, факт: но факт скорее вчерашний, чем сегодняшний. Нечто вроде заторможенного вчера. Нельзя считать прочной социальной действительностью то, что искусственно удерживается с помощью паспортной системы. Строить на этой «почве» значит строить на песке.

² НИИ — Научно-исследовательский институт.

товарища Парамоновой. Но где парамоновские обряды и плачи, песни и пляски? Где парамоновская нравственность?

★

Мое замечание об исчезающем крестьянстве, высказанное впервые в полемике с М. А. Лифшицем, шокировало почвенников. Но что делать! Не я придумал (это сделала история), что крестьянские нации суть голодные нации, а нации, в которых крестьянство исчезло, — это нации, в которых исчез голод. Я не виноват, что сейчас обществу выгоднее большую часть сил тратить на умственную работу, а совсем малую — на обработку земли.

Во-вторых, численно второстепенная группа не означает группы, без которой можно обойтись, от которой можно отвлечься. Мои оппоненты, видимо, стихийно исходят из архаической модели народа, в котором крестьянские общины, живущие натуральным хозяйством, могут веками обходиться без города, а город без них и году не проживет. Сейчас такое общество сохранилось только в джунглях. Сейчас все группы зависят друг от друга, и в этом едином обществе ни одна группа не вправе считать себя коренной. Вопрос можно поставить только так: какая группа, добившись того, чего она хочет, способна изменить к лучшему все общество? Крестьянство или интеллигенция?

На этот вопрос ответил опыт Польши и Чехословакии. В 1956 г. Гомулка распустил большинство колхозов и дал крестьянам окрепнуть. В результате восстановлено было консервативное село и на него сегодня опирается самая реакционная в Восточной Европе бюрократия. Напротив, в Чехословакии победила интеллигенция, добившаяся прежде всего свободы слова. Казалось, какое дело до этого рабочим и крестьянам? Но интеллигенция немедленно выдвинула идеологов, занявшихся положением других слоев общества, положением общества в целом, и вся страна пришла в движение. Там, где интеллигенция свободна, всем открыт доступ к свободе. Там, где интеллигенция в рабстве, все рабы. Поэтому и **только** поэтому я против чрезмерного акцента на важности деревенских проблем, трагедии крестьянства и т. д. Деревенские проблемы надо решать, но если не решена проблема интеллигенции, страна в целом останется во тьме.

Группа, второстепенная с точки зрения социолога, может быть, однако, первостепенной для писателя (например белые Юга США для Фолкнера), и писатель может раскрыть в жизни этой группы величайшие духовные ценности. Я горячий поклонник «Матренино двора». Но я против переноса в современность комплекса неполноценности, с которой русский либеральный барин прошлого века подходил к мужику (или птичнице),

Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Заниматься искусством, наукой . . .

Нельзя подходить к современному белому воротничку с мерками Некрасова и корить его легкой работой. Работа интеллигента (если говорить о миллионах учителей, врачей, инженеров) совсем не легкая, совершенно необходимая для общества (успешного с XIX в. сильно измениться) и оплачивается в нашей стране из рук вон плохо. Поэтому я с некоторым удивлением читаю такие вещи, как «Письмо физику», в котором говорится, что ученый должен испытывать угрызения совести, когда ест яичницу, — так мало он работает, сравнительно с птичницей, и так мало действительной пользы людям приносит его труд.

Я глубоко сочувствую попытке вызвать у простиитуированной интеллигенции угрызения совести. Но почему только перед птичницей? Почему не перед учительницей, слепнувшей над тетрадками, не перед амбулаторным врачом? В подчеркивании ответственности перед птичницей (по некрасовскому шаблону) есть своя опасность (отсутствующая в некрасовские времена). Эта опасность в том, что поддерживается народный предрассудок, по-старому смешивающий всякий умственный труд с барством, и сталин-

ская политическая традиция, основанная на этом предрассудке: 1) всякий человек с авторучкой называется интеллигентом; 2) народная ненависть, вызванная некоторыми людьми с авторучкой, поровну распределяется на всех; 3) в критические минуты некоторые люди с авторучкой тактично забывают, что сами они называли себя интеллигентами, и в качестве **слуг народа** науськивают массы на действительную интеллигенцию, ищущую чего-то лучшего.

Совершенно необходимо улучшить положение птичницы и скотницы, и тракториста, но не их одних.³ Есть много других тяжелых и неприятных работ. Развитие науки, освободив мышцы, так перегрузило голову, нервы, что миллионы людей приходится брать на учет к психиатру. Я не думаю, что труд инженера-экономиста веселее косьбы. Не надо никого упускать из виду, не надо считать человека благополучным, потому что он работает под крышей. А то вместо сочувствия автору письма у меня рождается сарказм: если ученому нельзя есть яичницу без угрызений совести, то ведь, пожалуй, нельзя и на стульчак сесть без угрызений совести (перед ассенизаторами, например. Страшно подумать, во что превратился бы современный город без ассенизаторов. Легче было бы обойтись без романа «Поднятая целина»).

Птичник, который волнует сейчас писателей, отвратителен. Но ведь это ад не только для людей, но и для кур. Это очень плохой птичник. Наша страна импортирует битую птицу и яйца — своих не хватает. Как, впрочем, и хлеба в иные годы. Никакой всемирно-исторической необходимости в этом нет. Просто порядок, заведенный в сельском хозяйстве, очень плох, и надо ввести какие-то другие порядки, проверенные опытом других стран (хотите — коллективные, как в израильских кибуцах, но во всяком случае сложившиеся снизу, а не сверху, не навязанные).

Мы еще не выполнили свой долг перед птичницей. Но, по крайней мере, известно, как это сделать. А как быть с младшим научным сотрудником Акакием Акакиевичем, пожизненно осужденным готовить бумаги Значительному лицу? Этого никто не знает, и мы в потемках ищем ответа, одновременно с Европой и Америкой, которые, по крайней мере, о птичнице могут не думать. Потому что мы не только страна плохих, неэффективных колхозов, но и страна эффективных ракет. И наряду с провинциальными задачами, общими для слаборазвитых стран, мы вынуждены решать и задачи современные, «модернистские». И мне бы хотелось, чтобы мы не забыли об этой стороне дела, требующей больших усилий мозга (потому что это как раз сторона неразведанная).

Что бы ни творилось в деревне, как бы ее ни калечили, большинство сельских работ, по природе своей, здоровее и веселее, чем работа в горячем цеху или поиски ошибки в платёжной ведомости. Толстой косил, ходил за плугом, но я не видел человека, который для собственного удовольствия шел бы делать из вонючей резины галоши или редактировать библиографический указатель. Прimitивные формы труда основаны на живом внутреннем ритме или на том, чтобы человек прислушивался к ритму окружающей его природы. Они сохраняют свою ценность и тогда, когда теряют экономической смысл. Мы не жалеем потратить целый день, чтобы поймать несколько ры-

³ Забота о птичнице безотлагательна, если птичница голодает. Но с этим хорошо справляется научно-технический прогресс. Из приложенной таблицы видно, что разумное и благородное в Нью-Дели становится нелепым в Стокгольме.

Заработки в неделю в долларах

	Строитель	Бухгалтер	Секретарша
Нью-Йорк	248,00	127,50	125,00
Стокгольм	122,64	94,64	99,02
Токио	44,00	40,20	50,00
Белград	25,00	40,00	30,00
Нью-Дели	3,33	40,00	18,50

бешек, выращиваем в комнате лимоны, печем в духовке пироги (хотя кондитерская за углом) и проч. К сожалению, основная наша работа совсем другая, механическая, опустошающая. Только очень небольшое меньшинство способно получать деньги за творческий труд. Я к этим счастливым не отношусь, и то, что давало смысл моей жизни, делал бесплатно, а работал грузчиком умственного труда, почтовой лошастью. Уверяю вас, господа почвенники, — это не синекура.

Что же делать? Один мой знакомый сказал, что из искусственного положения приходится искать искусственный выход. Такой выход — сервис, т. е. компенсация за потертые нервы. Мышечную силу можно было нахлестывать кнутом, силу ума — только пряником. Начиная с парикмахерской, в которой три мастера ждут одного клиента, кончая музыкой, поэзией, живописью. Спешу оговориться, речь идет не об одной ученой элите. Это общий уровень человеческих отношений, на который вышли все северные страны (кроме нас) и к которому быстро приближаются страны, расположенные южнее (Италия, Япония, Израиль).

К сожалению, и этот уровень недостаточен. И на нем главная проблема остается нерешенной: проблема духовного вакуума.

Теплый хлев с холодильником, автоматической подачей корма и зелеными лугами по телевизору был бы совершенно достаточен для скотины, но человек, попавший в этот рай, не чувствует себя счастливым. Он работает, хорошо работает, он много производит и много потребляет, но ему потихоньку становится тошно. И тогда он норовит поддать пинка роскошным автоматическим устройствам, на которые с такой завистью смотрят народы Азии, Африки и Латинской Америки. Народы, узнавшие из голливудских картин про сладкую жизнь, но не научившиеся еще организовывать жизнь по-американски и обвиняющие в своей бедности империалистов, сионистов и советских ревизионистов.

Северные страны решили экономическую проблему, создали пролетариям в синих и белых воротничках буржуазную жизнь, лечат пролетариев в хороших лечебницах, дают возможность провести отпуск на взморье, — словом, сделали все, на что способна хорошо развитая наука. Но наука не может научить пролетария чувствовать ритм облаков на заре и повторять его на свирели, как делал пастух в холщевых портках, никогда не видевший синего моря.

Наука знает очень много вещей и может узнать еще больше, но смысл жизни — это не вещь. Его нельзя ясно очертить, его нельзя «формализовать». Он дается, может быть, мудрости, но мы совсем забыли, что такое мудрость. Мы умеем готовить хороших ученых, но у нас нет посредственных мудрецов. Мы точно, научно, изящно решаем очередные проблемы — и стоим в тупике перед целым: голову вытацим — хвост увязнет, хвост вытацим — голова увязнет.

★

Основных проблем, вставших перед человечеством, мы в нашей стране давно не создаем.

Борьба с местными нелепостями провинциализировала наш дух: это видно даже по лучшим произведениям нашей литературы. Подобно Испании XVII века, мы боремся с трудностями, которые сами себе создаем, и постепенно изнемогаем в этой борьбе.

Мы все еще (как в XIX веке) считаем экономику первичной, строим домны, когда нужна химия, и большую химию, когда нужна эстетика, чтобы стимулировать серое вещество мозга. Мы загородились пограничниками от утечки мозгов и не замечаем, что мозги уходят во внутреннюю эмиграцию. Мы все время догоняем по заброшенной дороге, все время исходим из постулата, что история идет по прямой, а она кривая, она меняет направление.

Есть любопытные социологические законы, например, закон постоянного упадка удельного веса труда, прямо

связанного с удовлетворением элементарных потребностей, и выдвигения все более далеких от домоводства форм деятельности. Физиократы ошиблись, думая, что крестьянский труд навсегда сохранит доминирующее положение в обществе. Экономисты XIX века ошиблись, думая, что такое положение сохранит промышленный труд. Сейчас на первое место выдвинулось производство научно-технической информации, но было бы наивно думать, что это конец, за которым невозможны никакие другие сдвиги. Они не только возможны, но прямо необходимы. Рост значения умственного труда вызывает новую задачу — производства творческого состояния, производства такого состояния мозга, при котором он решал бы свои задачи играя. Так же, как мощная промышленность удешевляет силы земледельца, сфера, занятая производством творческого состояния, удешевляет силы физика или математика и делает ненужным загонять в ученые половину населения. Это очень широкая сфера: спорт, туризм, искусство, обрядность, психотехника йоги или дзен. Можно вспомнить слова одного из образованнейших людей XX столетия Гексли: заниматься мистическими упражнениями так же полезно, как чистить зубы.

Во-вторых, есть закон падения удельного веса доминирующей формы труда. Бушменский род целиком занят охотой и собиранием съедобных корешков. В крестьянских нациях 80-90 процентов населения заняты сельским хозяйством. Удельный вес пролетариата не превысил 50-55 процентов и в США начал падать (в настоящее время до 37 процентов самодельного населения). Мало вероятно, чтобы количество ученых когда-нибудь достигло и трети населения. Старые занятия не исчезают. До сих пор есть профессиональные охотники, рыболовы. Никуда не денется, а только отодвинется в тень и земледельческий, и промышленный труд, и организация порядка, бюрократия (в веберовском, а не в ругательном смысле этого слова). Одновременно появляются новые и развиваются старые «занаученные» формы деятельности (т. е. еще более далекие от экономики). Общество становится все более плюралистическим, все более сложным. Ничего подобного старому монолитному народу впереди не маячит. И ни ученые, ни какая-либо другая группа производителей вакантного места народа не займет.

Производство вообще перестает быть главным человеческим делом. Даже производство формул. Мы стоим перед великим поворотом. Забота о пропитании в развитых странах отодвигается на второй план. И вместе с этим на второй план отодвигается борьба за власть над природой. С тех пор, как средний человек и при нынешней власти над природой не знает, что делать со своим досугом, и бунтует, как американский битник, не от голода (он сыт), а по каким-то другим, психологическим мотивам, дальнейшее расширение власти над природой теряет право первородства. Приходится напоминать, что никакая власть не дает счастья. В том числе и такая утонченная власть, как знание. Мы счастливы скорее тогда, когда все забываем. Никакая наука не научит нас, чем заполнить свой досуг. «Цивилизация досуга», о которой сейчас много говорят и пишут, это не цивилизация науки.

Устойчивость всякой культуры и внутренняя устойчивость личности основаны на равновесии дела и праздника. В идеале они сливаются:

Непостижимо то, что Господом зовут.
Его покой в труде, в его покое труд.

Божество, каким его представлял себе Ангелус Силеиус, в каждый миг созерцания действует, и в каждый миг действия остается погруженным в праздное созерцание.

Но обычное дело и праздник выступают каждый сам по себе. Дело — функция ослабленной единицы (личности или группы людей). Праздник — подхваченность волной, в которой тонет, смывается все личное или узко групповое, ясно очерченное, закрепленное рассудком.

ОБНИМИТЕСЬ, МИЛЛИОНЫ!

Были эпохи, ценившие праздник выше дела. Самая близкая нам началась со слов Христа: «Марфа, Марфа, заботишься о многом...». Праздную Марию Иисус поставил выше деятельной Марфы. И в течение всех Средних веков люди жили под знаком этой притчи, не придавая большой ценности делу. Не сходить на праздник в церковь считалось гораздо большим грехом, чем плохо работать.

Однако Иисус сеял в вечности. Во времени Его семена падали на каменистую почву. Даже столпников надо чем-то кормить, а способы возделывать землю Христос не изменил. И по мере того, как равновесие праздников и будней, нарушенное при распаде племенных культов, было восстановлено, — дело снова поднялось в цене. По крайней мере в Европе, сохранившей закваску римских деловых людей. На рубеже XIV в. Мейстер Экхарт пересказывает притчу о Марфе и Марии на свой лад. Из глубины созерцания, — говорит Экхарт, — рождается новый порыв к действию. Этот порыв выше пассивного созерцания, Марфа выше Марии. Созерцание только ступень, на которой деятель освобождается от суеты, от себя, раскрывается перед Богом. Когда же Бог наполнит душу, наступает второй час действия, действия вдохновенного Богом (например так, как это описано в пушкинском «Пророке»).

Таким пророческим движением Макс Вебер считает европейский протестантизм (мистика которого, говорят, связана была с традицией Экхарта и других еретиков средневековья). А из него, по Веберу, выросло все Новое время... Может быть, на самом деле оно сложилось совсем не по Веберу. Но поворот к делу действительно наступил. Прошло несколько веков, и Гете поставил Дело взамен самого Слова Божьего. Фауст дерзко переводит «Логос» немецким «Тат» — дело, деяние, поступок.

Еще через сто лет это было пересказано прозой: «Философы только объясняли мир. Задача заключается в том, чтобы его переделать»⁴

... Оглядываясь назад, можно увидеть, что Новое время было только последней волной длинного процесса «рационализации» человеческих отношений к миру, начавшегося давным-давно, где-то в глубинах каменного века (и только пошедшего в Новое время скорее). По крайней мере, несколько тысяч лет, всю историю цивилизации человек учился работать. Он еще сейчас учится в слабо развитых странах. Но в Европе ученик исчерпал себя. Современный поэт не повторит слова Фауста: «Вначале было Дело!» Скорее он скажет вместе с О. Мандельштамом:

Есть блуд труда, и он у нас в крови...

Говоря о терминах Маркса, мы слишком хорошо усвоили 11-й тезис и слишком мало думаем о другой, более глубокой мысли, изложенной в третьем томе «Капитала»: «Царство свободы начинается по ту сторону производства, диктуемого нуждой и материальной необходимостью...».

Я праздник твой, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твое седьмое небо!⁵

Но праздник есть только там, где есть благоговейная отдача себя чему-то высшему, чем дело. Праздник невозможен без, по крайней мере, **минуты** благоговения. Отнимите у Нового года — единственного праздника, который у нас остался, — минуту благоговения, какого-то мистического трепета перед стрелкой часов, подошедшей к двенадцати, — и праздника не будет. Останется только пьянка. А иногда, перед пьянкой — официальная скука.

Все это относится к внутреннему празднику, к «празднику, который всегда с тобой», по выражению Хемингуэя. Если нет чувства святости природы, то что останется от вечерней зари? Время, в которое можно пройтись с похабной частушкой. Если нет отношения к женщине, как к святому причастию, то что останется от праздника любви?

Равновесие дела и праздника сохранилось в примитивных культурах, племенных и народных. В этом их неуязвимая прелесть. Но это обрядовое равновесие, тесно связанное с исчезнувшими и исчезающими формами труда. То, что могло войти в городскую цивилизацию, уже вошло в церковную обрядность, и возвращать ее назад к язычеству невозможно. Достаточно прекратить травлю церкви, восстановить естественную роль ее в современной культуре, по примеру других цивилизованных стран. Но в современных условиях едва ли не важнее всего внутренний праздник, а его как раз народу не хватало. Созерцание природы, созерцание искусства, любовь — все это совершенно не народно. По крайней мере, в России. Есть, конечно, Япония, с ее любованием цветущей вишней и горой Фудзи, — но это экзотика. Любовь?.. За народностью любви пришлось бы ехать в тридцатое царство, в тридцатое государство, — к племени ансаритов в древней Аравии.

Я из рода бедных азра.
Полюбив, мы умираем...⁶

Трубадуры, миннезингеры — это штука шляхетская, рыцарская и по преимуществу европейская. У нас — одна из вольностей дворянских. Мужицкое отношение к любви недавно напомнил нам А. И. Солженицын: «женятся длящей, замуж выходят для мяса».

То, что было у нас в народе хорошего (правда — истина — справедливость) — в обломках. По народной же поговорке, на том месте, где была совесть, вырос... (знатоки народности заполнят здесь пробел). Все тяжелое, тупое, темное может прочно опираться на народную массу, массу персонажей Галича, Высоцкого и Олешковского, массу, духовное состояние которой выражено в «советской пасхальной»:

... Давай закурим опиум народа,
А он покурит наших сигарет.

Заговорив о любви к дальнему, о любви к чужому, я вступаю на опасную дорогу. По правилам, установленным для варшавских студентов, можно любить только одну нацию. Так же, как можно болеть только за одну футбольную команду, одну балерину, одного тенора. Лучшее всего — передавая эту простую однозначную привязанность по наследству. На худой конец — корпорация болельщиков может усыновить вас. Но ни в коем случае нельзя болеть за 2, 3, 5 команд сразу. Это космополитизм. **Идея** интернационализма останется вне спорта (о догмах не спорят), но **чувство** может быть только простым, однозначным. Или вы за Торпедо, или за Спартак. Если вы чувствуете своими одновременно Польшу и Израиль, то этого не может быть, потому что не может быть никогда, потому что это противоречит психологии футбольного болельщика, а другой, более сложной психологии пан Гомункулус не понимает. Тот, кто привязан более чем к одной традиции, с его точки зрения, не любит ни одной.

И вообще, о чем говорить? Духовный кризис? Но классиков издают миллионными тиражами. Упадок культуры? Но литфонд, худфонд и прочие фонды выдают инженерам человеческих душ большие субсидии. Остается только развести руками и смолкнуть, как Достоевский, пересказав историю гоголевского поручика Пирогова. Тут простодушие, которое ставит в тупик. Никакого противоречия между научно-техническим и духовным развитием функционера не чувствует. Он твердо идет по намеченной колее, как И. В. Сталин, как паровоз, тянущий за собой целую кучу вагонов. Он просто не понимает, что все прямые дороги истории ведут в тупик, что железная воля кончается грудой железного лома. В этой тупости деятеля, отмеченной еще в «Записках из подполья», — секрет «чудодейственной воли» сталинистов, воспетой Горьким, воли, перед которой трепетали размагниченные интеллигенты, воли,

⁴ К. Маркс. 11-й тезис о Фейербахе.

⁵ Марина Цветаева.

⁶ Г. Гейне.

по которой до сих пор тоскуют многие простые люди России. Есть только одно направление развития, одна колея. Техника в период реконструкции решает все. И нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять.

На строительство школ, техникумов, университетов расходуются миллиарды. Количество людей, получивших среднее и высшее образование, растет. Интеллигенция имеет ясную и простую задачу — помогать развитию экономики, а также помогать функционерам крепить духовное единство (болеем за нашу футбольную команду, наше правительство, наши органы охраны порядка).

Других, непонятных невеждам, духовных потребностей нет, потому что народ этих потребностей не имеет (в этом пункте пан Гомункулус отчасти прав). Крики о духовном голоде — романтическая чушь, происки классового врага или беспокойство евреев, которые вовремя не уехали в Израиль и поэтому сами не могут по-человечески жить и других сбивают с толку. Мы дадим им паспорта — пусть едут в Израиль.

... А если я не хочу ехать? Если я кровью связан с этой страной, но не только с этой, а и с другими тоже? Если

Слаще пенья итальянской речи
Для меня родной язык,
Потому что в нем таинственно лепечет
Чужеземных арф родник...⁷

Что же мне делать тогда, пан Гомункулус? Если правы вы, для меня нет места на земле. Если я прав — вы динозавр, и место ваше — в палеонтологическом музее.

★

В марте 1968 г. в Польше (если судить о ней по прессе⁸) возникла прискорбная, но математически очень красивая ситуация (трагическая вообще красиво; см. любую эстетику). На одной стороне интеллигенция, томимая духовным голодом XX века. На другой — все остальные, для которых «шляхтичи», неспособные примириться с «хлопским» руководством культурой, просто с жиру бесятся. Поражение интеллигентов можно было предсказать: духовные интересы никогда еще не побеждали в таком чистом виде, без смеси с чем-то вполне материальным, без союза с буржуазией, пролетариатом, крестьянством, бюрократией, технократией или кем-нибудь еще. Сами по себе Турбины могут только красиво погибнуть. Но зато в предельной ситуации (которой не дай нам Бог!) есть огромное теоретическое преимущество: видно, что собой представляет интеллигенция в чистом виде, без примесей, интеллигенция сама по себе.

Это часть образованного слоя общества, в которой совершается духовное развитие, в которой рушатся старые ценности и возникают новые, в которой делается очередной шаг от зверя к Богу. И если считать, что процесс гуманизации, очеловечения человечества еще не окончился и что это важнейший процесс истории, то интеллигенция это и есть то, что интеллигенция искала в других — в народе, в пролетариате и т. д.: фермент, движущий историю. Если ему удастся вызвать брожение не только в себе.

Один из моих друзей заметил, что этого слоя теперь нет. Что если исчез народ, то интеллигенция тоже исчезла, что человек в обеих своих формах, любимых Монте-мем — и как философ, и как простой мужик — сейчас выводится, растворяется в массе. Однако масса — это только полуфабрикат, аморфное состояние между двумя кристаллическими структурами, между двумя воплощенными системами ценностей. Был век Перикла, потом наступил век отцов церкви, а между ними — римская масса. И нынешняя масса вполне может оструктурироваться, если появится стержень, веточка, пусть хрупкая, вокруг которой начнут нарастать кристаллы. Вот эту роль веточки, опущенной в перенасыщенный раствор, я отвожу интелли-

гентной интеллигенции. Я не говорю, что интеллигенция вся есть эта веточка, этот стержень. Наоборот, нынешняя интеллигентская масса напоминает скорее кучу слизняков. Я просто верю, что она может измениться и потянуть за собой других. Я убежден, что другого выхода нет, что человеческая веточка скорее возродится как полноценный интеллигент, чем как оперный мужик. И масса может заново кристаллизироваться в народ только вокруг новой интеллигенции, создавшей в себе самой новый духовный стержень. Мне кажется, это подтверждает пример Чехии. Достаточно сравнить, чем она была в 1952, в 1956 и чем она стала в 1968.

С этой точки зрения я охотно принимаю двусмысленность (и даже трехсмысленность) слова «интеллигенция», обозначающего то более широкий слой, то более узкий. Какая-то часть работников умственного труда — первый пласт, способный кристаллизироваться вокруг хрупкой веточки «интеллигентной интеллигенции», вокруг тех нескольких десятков или сотен людей, которые в самих себе нашли «почву», опору и перестали дрейфовать вместе «со всеми». Ничего другого моя ставка на интеллигенцию не означает. Нынешняя интеллигенция — ничто. Но она может стать всем, охватить своим влиянием все.

Отдельные настоящие люди складываются повсюду. Их на каждом шагу можно встретить и среди рабочих, и среди крестьян. Но другого такого прогрессивного слоя, как интеллигенция, по-моему, нет. И я обращаюсь к ней не как к носителю сложившихся новых ценностей, а как к топливу, которое легче зажечь. Как к дровам, которые должны хорошо разгореться, прежде чем начнет пылать каменный уголь.

Пока что в этих дровах слишком много сырых и гнилых поленьев. Пока что интеллигенция глубоко поражена комплексом неполноценности. Духовная незащищенность, отказ от привычных ориентиров во времени и в вечности, опора только на самого себя, на свою собственную глубину — от этого хочется бежать, как от чумы, от холеры, от сифилиса; вселиться в семипудовую купчиху и поверить во все, во что она верит. Добрая половина интеллигенции готова ухватиться за что угодно. Лишь бы был твердый человек, твердый принцип, твердая традиция. Гомункулизм, сталинизм и прочее — все это частные случаи, отдельные нарывы, а болезнь крови — в неспособности обрести Царство Божие, которое **внутри нас**.

Человек, потерявший ориентацию в линияющем мире, только очень редко схватывается за то, что само по себе вечно. Чаще он привязывается к руководству людей, знающих тайну, к церкви или еще какой-либо школе благоволения и ищет прикосновения к вечности в обточенных веками обрядах. Еще чаще привязываются к примитивам, не порвавшим еще с целостностью жизни — к народам, племенам, животным.

Все это отчасти хорошо. Можно многому научиться у простых, не испорченных высшим образованием людей, у животных, у деревьев, у облаков. У моря — его широте; у деревьев — их осанке, их стремлению к свету. У птиц — их инстинктивной способности отвечать солнцу. У животных — безыскусственности крика и движения. У архаических племен и народностей — внеличной соборной мудрости...

Двигаясь по лестнице образованности, мы не только приобретаем (сложность, утонченность), но и теряем (простоту, цельность). Нельзя двигаться вперед непрерывно, потому что наше «вперед» условно, горизонтально, в нем нет верха, в нем забывается движение вверх — к абсолютной простоте. И если мы каждый день и ночь не возвращаемся к своему истоку, к абсолютно простому, если мы забываем о нем, то время от времени прогресс сменяется романтической реакцией, и вкус к классически развитому, расчлененному сменяется вкусом к нерасчлененному, простому, примитивному. Это так же естественно, как движение маятника, и только М. А. Лифшиц способен объявить маятнику войну.

⁷ О. Манделштам.

⁸ На самом деле, говорят, положение было иным, более сложным.

Но... тут есть некоторые «но». Страсть к примитивно-му имеет и свои патологические формы. Наиболее свободна от них любовь к природе, к животным. Друзья говорили мне, иногда в шутку, иногда всерьез, что собаки или кошки гораздо лучше людей. Но никто из знакомых мне кошачников или кошачниц не орал в марте, как кот, и никто из знакомых собачников не вырывал у соседней кость из рта. Есть какой-то незримый порог, мешающий человеку стать на четвереньки. Как-то само собой получается, что у деревьев, у собак и кошек учатся тому, что обогащает нашу человечность, а не портит ее. Любовь к народу в этом смысле гораздо опаснее. Никакого порога, мешающего стать на четвереньки, здесь нет.

Тут опять-таки есть «но»: есть примитивизм, расширяющий сердце, и примитивизм, сужающий сердце (как, помнится, Гейне говорил о патриотизме, французском и немецком). Вкус к примитивам не опасен, если вы любите всякие, а не только свои примитивы; тогда в самой своей любви к ним вы остаетесь на современном человеческом уровне, вы не проникаетесь чисто примитивной нелюбовью к чужим примитивным (и не примитивным) культурам. К сожалению, самая естественная из страстей, страсть к своему народу, легко становится злокачественной. К ней легко примешивается политический расчет, надежда опереться на толпу (которой вы льстите), чтобы кого-то вытеснить с теплого места. И тогда эта любовь к своему народу, к своей нации, к простым людям без всех этих интеллигентских штучек вызывает у меня тошноту.

Миф о народе был основательно разрешен в «Белой гвардии», в столкновении народа без интеллигенции с интеллигенцией без народа. В этой ситуации интеллигенция осталась симпатичными (Турбины), а о народе сказано: «Гетман мерзавец и Петлюра мерзавец, но Петлюра еще вдобавок погромщик». В «Собачьем сердце», если перевести гротеск на язык социологии, вносится разъяснение: народ хорош, пока он неподвижен, не втянут в историю, остается патриархальным Шариком. Взбаламученный, взбунтовавшийся народ теряет свою душу, становится массой, глиной в руках бесов. «Не приведи Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».⁹ Рассчитывать на него в борьбе за свободу, прогресс и прочие цели интеллигенции — все равно, что скакать на тигре. Без необходимости лучше не пробовать.

И все же миф о народе пытаются возродить, вероятно по той же причине, по которой югославские партизаны ободряли себя частушкой:

Не боимся ваших авионов:
Нас и русских 200 миллионов!

Чувство единства с миллионами ободряет, как сто грамм перед атакой. Но что потом? Потом интеллигенты, облачившиеся в пролетариат, в народ и прочие сермяги, истребляли интеллигентность в себе и вокруг себя во имя своего фетиша.

Интеллигенция не может пройти мимо политических событий, затрагивающих ее нравственное чувство. Но погружившись в политику с головой, она теряет себя, становится политической контрэлитой, бюрократией наизнанку.

Происходит это очень просто. Ситуация, рождающая трусов, рождает также героев. Герои, вступившие в спор с деспотизмом, приходят к убеждению, что им-то, в их святой борьбе, все позволено. Поэтому борцы за право сами себя привыкают считать выше права, выше обывательской нравственности. И, придя к власти, они легко берут в руки топор палача и продолжают традиции, против которых восстали.

Что менялось? Знаки и возглавья?
Тот же ураган на всех путях.
В комиссарах — дух самодержавья,
Взрывы революции в царях...¹⁰

⁹ Пушкин. Капитанская дочка.

¹⁰ М. Волошин.

Так мы сами, своей пассивностью, своей трусостью, воспитываем сегодняшнего героя, завтрашнего диктатора и палача.

Выход в том, чтобы сдвинуться хоть бы на шаг ближе к свободе, но всем вместе. Ну, хотя бы начать говорить правду на собраниях. Ну, хотя бы в том случае, если вас прямо спросят, что вы думаете. Ну, хотя бы молчать, если не хватает сил высказать свое мнение, но по крайней мере не лгать.

Если бы мы могли уйти на Авентинскую гору, как плебеи древнего Рима. Если бы у нас хватило характера — отдать все свои лавровые венки, свои степени и званья и быть самими собой. Не подвывать. На это ведь надо так мало характера. Капельку. Чутьочку. Немножко способности обходиться честным куском хлеба без икры.

К сожалению, рядовой интеллигент ниже этого. И пока это так, бессмысленно ждать лучшего будущего. Если мы не станем людьми, кто же ими будет?

★

Противопоставление неверующей и лишенной традиции интеллигенции народу — русский провинциализм. Народ сохранил, как умел, традиции века Марии и через все века, в которые мы почитали одну Марфу, передал их нам. Это так. Но этого больше нет. Народ больше ничего не хранит. Он и сам себя не сумел сохранить. На реках вавилонских сидим мы и плачем, вспоминая о народе...

Вавилон — не просто большой город. Это город, где смешались языки, где исчезают народы, — исчезают всячески — и как примитивы, и как нации, и как верования отцов.

Мы живем в век вселенской диаспоры.¹¹ Правда, в этот же век еврейская диаспора восстановила свое ядро, опрокинув несколько теорий, по которым так не должно было быть. Но в результате диаспора не исчезла. Еврейская нация просто сравнялась с другими нациями диаспоры: армянской, ливанской, татарской, ирландской... Диаспора давно перестала быть чисто еврейской, исключительной чертой, она стала чертой всеобщей. В наш век чуть ли не каждая нация пустила облачко рассеяния. Есть диаспора китайская, в Юго-Восточной Азии; диаспора индийская в Азии и Африке; даже дагомейская — в Западной Африке; и уже были дагомейские погромы.

Давно пора создать новый термин — «антидиаспоризм». Психология китайского погрома в Индонезии, индийского в ЮАР и т. д. мало чем отличается от психологии кишиневского погрома. Замкнутые, слабо диаспоризированные крестьянские народы могут сочувственно относиться друг к другу, но народы закоренелой диаспоры они считают особыми, плохими народами, в целом плохими, хотя возможны отдельные исключения. Иван Денисович уважает эстонцев, но с оттенком неприязни думает о Цезаре Марковиче: не то еврей, не то цыган. Костоготов хорошо относится к бывшим врагам, немцам и японцам, но, встретив неплохого коменданта, высказывает свои впечатления по формуле: хороший человек, хотя и армянин (братские чувства «замкнутого человека к другим народам всегда несколько напоминают ответ «армянского радио» о пролетарском интернационализме: «Это когда русские и евреи, армяне и татары вместе идут бить грузин»). «Грузинское радио» соответственно меняет порядок имен).

Как и все предрассудки, и этот предрассудок имеет под собой известные основания. Нации старой, закоренелой диаспоры меньше тяготеют к золотой середине, чем крестьянские нации: разброс добра и зла в них шире. Надо самому быть широким, как Марина Цветаева, чтобы вместить это:

... Вы кровью заплатили нам! Герои!
Предатели! Пророки! Торгаши!

¹¹ Диаспора, буквально, рассеяние. Часть народа, живущая в эмиграции. Диаспора особенно чувствуется в мировых центрах. Напротив, малые страны чаще сохраняют патриархальный облик.

Человек диаспоры либо изворачивается, как угорь, чтобы захватить чужое пространство, либо живет одним духом. Первых, естественно, больше, чем вторых. Иваны Денисовичи добросовестно ошибаются, принимая распространенное зло за норму, а добро — как отклонение от нормы. Так же думает Русанов; и как частное лицо, и как заведующий отделом кадров. Здесь он вполне искренен и вполне народен... Только интеллигенция за некоторыми исключениями (из которых самое талантливое — Достоевский) имела мужество идти против народа, вместе с Мариной, с Н. Бердяевым («Христианство и антисемитизм») или с Н. Бухариным. При всем несходстве этих трех лиц, они были интеллигентными, т. е. в каком-то смысле сами принадлежали к диаспоре, не испытывали к ней отвращения.

Диаспора — очень широкое явление. Есть диаспора политическая (испанская, польская, русская), диаспора туристическая (влечение к чужому, дальнему) и особая интеллигентская, духовная диаспора. Духовно все современные интеллигенты принадлежат диаспоре. Все читающие открытыми глазами английские книги, смотрящие японские фильмы. В старину, по Кормчей книге, за это полагалось проклятие.

Мы живем не в одном, а сразу в нескольких духовных мирах. Мы всюду не совсем чужие. Мы всюду не совсем свои. В нашем сознании европейская, суфийская, индийская, китайская мудрость лезут друг на друга, как торосы в Арктике. И один призыв к вере, к традиции, к народу анафематствует другой. Народы не знают дороги из этого хаоса. Они и в старину не знали дороги — их выводили пророки. Откуда же взяться пророкам сейчас? Разве что из нашей собственной духовной нищеты?

★

Интеллигентность — это, может быть, равновесие духовного богатства и духовной нищеты (первое без второго — книжник и фарисей, по-новому: интеллектуал, сноб; второе без первого — юродивый...).

Интеллигенция не может не сознавать свою незавершенность, свое место на полдороге. Сознать или хотя смутно чувствовать. Если открытости нет, если есть закрытость, замкнутость на какой-то идее, догме — интеллигентность начинает исчезать, выветриваться. В конце концов все реки идейности текут в болото мещанства: одни — прямо и просто, другие — после порогов, водопадов, подвижничества и донкихотства. Идея, перестав быть рабочей гипотезой, становится кумиром, идолом. И человек приносится в жертву этому идолу.

Безродность, вырванность из племенной, народной традиции — непременная черта интеллигентов. Интеллигенция, как особый слой, в котором собственно интеллигентно маленькое ядро, образуется именно в обществе, утратившем народные ценности. В России — после Петра, в странах Азии — на наших глазах.

Вися в воздухе, часть интеллигенции ищет опоры в каких-то символах народности (романтики, славянофилы, негритюд). Но что стоит за этими символами после сталинской коллективизации, оставившей от народа только рожки да ножки? Что можно поставить за этими символами в Америке?

Есть счастливые исключения среди малых стран. Там процесс урбанизации шел иначе. Там сохранилась сплоченность, связывающая вместе все слои. Там нация — единый организм; там интеллигенты больше просвещали массы, чем возбуждали в них воинственность. Там символы национального единства не так легко становятся символами травли других, послабее. Там все иначе. Там народ — реальность, и бывают чудеса, когда весь народ действует, как один человек, против всемогущих тоталитарных машин.

К сожалению, в большинстве случаев народничество подыгрывает агрессивному национализму. Пример Германии достаточно свеж. Пример арабов перед глазами. Нужно ли нам дать человечеству еще один урок?

Уже сегодня русская почвенная идея, не успев завоевать признания, вульгаризировалась, опошлится. Пряничный национализм дает Солоухину и Глазунову, Кожанову и Палиевскому удобную позицию, с которой можно уклоняться от нравственного выбора, сохраняя обманчивую осанку порядочного человека, и делать независимые жесты без риска неприятностей. Ибо кому следует ясно, что это всего лишь неофициальная разведка очередного официального погрома.

Однако нация, стоящая в центре большой системы, не может удерживать этого места с помощью кокошников и сарафанов. Тут нужна идея, способная вызвать отклик во всяком сердце. Напротив, забота о кокошниках и сарафанах в центре вызывает аналогичные заботы на местах, и центробежные силы могут оказаться побольше центростремительных. Избрав удел духовной провинции, Россия становится на путь, ведущий и к политическому захолустью. Это тот путь, который прошла Испания в XVII—XVIII веках, и он широко открыт перед нами.

У сверхдержав прогрессивной национальной задачи нет. Идея их может быть только вселенской, космополитической. Интеллигенция здесь не имеет права на патриотизм. Она может опираться только на международную солидарность ученых, писателей, всех людей доброй воли (американцев, японцев, русских) через головы националистического мещанства.

Наше время часть людей превратило в людей как все, со своими почтовыми марками; но зато миллионы интеллигентов стали чем-то вроде неизраильских евреев, «людьми воздуха», потерявшими все корни в обыденном бытии.

Запутанность, заброшенность, тревога, страх, забота — весь этот быт человека гетто стал называться экзистенциализмом и переведен на все языки вместе с Францем Кафкой (Макс Брод считал его писателем специфически еврейским, но никто с ним не согласен). Теперь мы все равны в праве на страх, теперь каждый мыслящий человек сознает возможность термоядерного погрома, и остается только всем вместе выпутываться из этой общей для всех погромной ситуации.

К несчастью, сверхдержавам, которым Бог дал силы вязать и решать, он не дал разума. Интеллигенция здесь бессильна. Политика здесь в плену у машины всемирного господства, у идеи престижа. Единственная заслуга сверхдержав — то, что они уравнивают друг друга. Самое лучшее, что они могут сделать на мировой арене — это ничего не делать. Их активность становится отвратительной, их попытки спасти человечество толкают его к гибели. Только некоторые малые страны сохранили возможность коллективной доброй воли, сдвига к чему-то лучшему, к выходу из всемирно-исторического тупика, в который мы зашли. Надо по крайней мере не мешать им...

В этих условиях интеллигенция сверхдержав может консолидироваться только как меньшинство, наподобие индийцев в Южной Африке.¹² Судьба интеллигенции глубоко схожа с судьбой действительных национальных меньшинств, и выход, который я вижу, — в блоке интеллигенции больших стран с народами малыми.

В сем христианнейшем из миров
Поэты — жидаи!

(М. Цветаева).

Интеллигент может пытаться ассимилироваться в массу, но масса никогда не признает его за своего и при первой возможности вытолкнет, — так, как были вытолкнуты организаторы РСДРП. Только сплотившись «вокруг самой себя», интеллигенция может чего-то добиться и для самой себя, и для всех. В конечном счете, интеллигенция должна выйти за свои рамки, захватить, просветить массы. Но прежде чем послать, надо стать солью. Прежде

¹² Ганди начал свою борьбу в Африке и потом уже перенес методы ненасильственного сопротивления в Индию.

чем просвещать, надо стать светом, перестать быть человеком массы, перестать быть частицей тьмы.

Может ли меньшинство чего-то добиться? Не есть ли тактика заведомого меньшинства — тактика отчаяния? Не есть ли это крик одиночки, бессильного что-либо изменить?

... Отказываюсь жить
В бедламе нелюдей.
Отказываюсь выть
С волками площадей!

(М. Цветаева. Из стихов о Чехии)

Я думаю, что все великое началось с меньшинства и даже более того — с одиночки, отказавшегося выть.

На этого одиночку я и надеюсь. Я нахожу какие-то огоньки надежды то там, то сям. Мне кажется, что путешествие всемирной литературы на край ночи подходит к концу. На запретной полосе, перепаханной модерном, едва-едва поднялось несколько ростков жизни: «Маленький принц» Сент-Экзюпери, некоторые герои Сэлинджера. Принц попробовал жить на старой земле и не сумел. Но через несколько лет появились братья и сестры Гласс.¹³ Первый, Сеймур, не выдержал, а остальные живут. Живут без всяких народных корней. Даже без надежд схватиться за народ как источник мудрости. Если они чувствуют потребность в примере, то прямо обращаются к Христу. И если Сэлинджер думает о своем читателе, то вместо туманного обращения к народу, просто говорит: надо писать так, чтобы тебя прочитало как можно больше старых библиотекарей. И рядом с новыми, замодернистскими, сэлинджеровскими мальчиками действительно оказываются лучшие старые люди, домодернистские, простые люди, — те, которые не приняли причастия буйвола, остались верными Агнцу. Сэлинджер и Белль стоят в сегодняшнем мире где-то рядом.

Вторая новая черта: чувство открытости, прозрачности к другим культурам. Это опять-таки очень бросается в глаза у Сэлинджера. Для его героев Индия и Китай — такие же близкие родственники, как для русского — Украина. Христианство Сэлинджера действительно кафолическое, вселенское. Оно не мыслимо без прозрачности для всех других вселенских религий, выросших на другой почве. Оно отыскивает себя заново в Упанишадах, в дзэнских парадоксах, отталкивается от них и возвращается к себе, так же, как Мандельштам (и без того человек двойной национальности), тянется еще к немецкой и итальянской речи и находит в них новое богатство своей родной; как Рильке, в конце своей жизни, вдруг почувствовал исчерпанность немецкой речи и перешел на французский язык и наполовину по-русски писал свою предсмертную записку.

Мне чудится в этих попытках что-то пророческое. Это, может быть, первые люди новых, проникающих друг в друга, незамкнутых общностей, общностей из башки Майтрейи (в которой каждая душа отражалась во всех других и невозможно было непонимание).

★

Христос проповедовал рыбакам и блудницам. Но он никогда не проповедовал массам. Массы тогда, как и сейчас, предпочитали Варраву.

Он проповедовал людям, когда они не были массой, а от массы бежал «страха ради иудейска». Проповедовал избранным группам избранного народа, чтобы они стали ядром нового Адама, а потом, когда-нибудь, это ядро обросло плотью. Не в массовом, а в интимном общении, длящемся веками.

Потом, когда новый культ, выросший из проповеди апостолов, покорил заброшенных римских горожан, когда Константин навязал новую веру поганым («деревенщи-

не»),¹⁴ народы не в силах были вместить ее, и перекроили на свой лад, даже не ветхозаветный, а дозаветный лад. Народ никогда не был новозаветным. Когда явится новозаветный народ, наступит тысячелетнее царство праведных. Пока это немислимо. Народы не в силах вместить ни космополитизм Нового Завета, ни его духовной глубины.

Не поняв Царства Божия, которое внутри нас, и перестав верить в Царствие Божие на небе, народы развитых стран, за последние века, если и верили во что-то, то разве только в лучшее будущее. Но в наш век и эта вера поколебалась. Сама идея лучшего будущего, помимо вероятности ее осуществления, встретила возражения и нападки. Будущее будет, нет ли, — говорят современные Иваны Карамазовы, — а настоящее слишком часто приносится ему в жертву. И стоит ли эта гармония сегодняшних, настоящих слез?

Падая с неба, или с сияющих вершин, люди схватились за народность, — и попали в плен к ней. Будет ли, нет ли Царствие Небесное, или светлое будущее, но мысль о нем не давала точки, с которой можно было взглянуть на свой народ, как с горы, и сказать: есть две нации в каждой нации. Есть Герцен — и есть Пуряшкевич...¹⁵ А с позиции народности все кошки серы.

У старых славянофилов была мерка, которой можно было мерить Россию, был Бог. У новых почвенников ничего нет, кроме любви к своим собственным детям больше, чем к чужим. Но что же делать, если свое — скверное?

Бороться с отечественными пороками, стоя целиком на отечественной почве, так же просто, как вытащить себя из болота. Это задача для барона Мюнхгаузена и В. Солоухина. Или самоутешение для мещанина, который, в сущности, своими пороками совершенно доволен и никуда из своей миргородской лужи не хочет.

Миф о подлинном национальном характере, который надо только освободить от наносных черт, очень удобен для рассуждений, но при ближайшем подходе к предмету рассыпается. То, что наносилось семьсот лет, давно стало своим. Освобождаться надо от своей собственной, а не от чужой мерзости. Второе вообще слишком легкое дело.

Единого национального характера нет, есть сложная структура, которую можно членить на несколько пар типов, черт. Есть русские черты, идущие от богатырских эпох или сторон русской истории — широта, удаль, беззаботность (я включаю сюда и беззаботность, хотя от нее было и будет много несчастий: в ней есть что-то для меня глубоко привлекательное). И есть русское холуйство, русское хамство. Есть черты, складывавшиеся в церкви (женская кротость и всепрощение), и черты, складывавшиеся на конюшне. Как все это соберется вместе?

У Достоевского в «Дневнике писателя» пересказывается газетная заметка о мужике, привыкшем засовывать голову своей безответной жены под половицу и сечь ее вожжами. Ни за что, так просто, чтобы себя показать, чтобы доказать, что он власть (со смутным сознанием, что без власти он ничто). Пока она не повесилась. С одной стороны — мужик Марей, а с другой — мужик-палач, мужик-погромщик. «Широк, слишком широк русский человек. Надо бы сузить» (Достоевский).

Один из лидеров сионизма, Жаботинский, в начале XX века произнес знаменитые слова: «Каждый народ вправе иметь своих мерзавцев». Как будто так оно и есть. Как будто бы верно: ни один народ от этого права никогда не отказывался. Но в старину пользовались своим правом как-то втихую, не провозглашая его как девиз, как принцип. Только потеряв веру в Бога и прогресс, можно было прийти до идеи права на мерзость. Это и есть идея национализма XX века.

¹⁴ Paganus — первоначально деревенщина, потом языческий.

¹⁵ См. В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов.

¹³ Из рассказов и повестей Д. Сэлинджера. См. «Фрэнни и Зуи», «Выше строила, плотники» и др.

Меня охватывает недоумение: а есть ли оно, это право? Может быть, это только привычка и пора ее несколько поурезать?¹⁶ Особенно в наш атомный век, при чрезвычайном росте средств делать всенародные, всемирные мерзости? И если народа без прав на своих мерзавцев невозможно представить, то тогда — тем хуже для народов. И народ, обладающий атомной бомбой, это немислимое сочетание терминов. И если нельзя отказаться от открытий, сделанных физикой XX века, то надо вылезать из старой народной шкуры.

И еще некоторые особые местные вопросы приходят мне на ум. Англичане пишут курсивом слово «интеллигенция». Оно пришло для них из России, из русской культуры. И каждый раз, когда я встречаю эту «интеллигенсия», я испытываю какое-то чувство наивной радости. Но есть еще одно литературное заимствование, тоже очень давнее: «погром». Последнее время оно довольно часто мелькает: «погром в Нигерии», «дагомейский погром в Конго»... И каждый раз меня охватывает дрожь стыда. А вам не стыдно, судари и сударыни? Вы думаете, что Россия может «взлететь белой лебедью», не возненавидев собственной скверны?

Невольно вспоминая славянофила Хомякова:

В судах полна неправды черной,
И игом рабства клеймлена,
Постыдной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

Это старые стихи. И вы можете забыть их. Без них лучше спится. Только до тех пор, пока вы так думаете, пока вам снится, что вы летите, помахивая белыми крыльями, Россия по-прежнему будет ворочаться в канаве. Чтобы в самом деле подняться, надо **возненавидеть собственную скверну**. И полюбить что-нибудь получше: Бога, Идею... Тогда народ действительно взлетает,

¹⁶ Обошлись же чехи, в августе 1968 г., почти совсем без мерзавцев. Может быть, это и есть норма?

В конце концов все-таки не обошлись (прим. редакции).

и следами его остаются такие слова, как «осанна», «аминь», «София», — или, в атеистические времена: «интеллигенция», «прогресс», — а не «погром» и «... твою мать».

★

Из двух великих народов древности, заложивших основы нашей культуры, один осудил Сократа (за безнравственность), другой распял Христа... Как это получилось? Может быть потому, что оборотная сторона народа, каждого народа — масса? И глас народа — глас Божий, а голос массы — голос осла?.. Какой пророк был доволен своим народом? Какой пророк не бичевал его? Не говорит ли довольство своим народом о глубоком духовном упадке, об утрате самого томления по духовной глубине? И если не будет этого томления, этого импульса, вытолкнувшего когда-то из древних евреев, от пророка к пророку — «учителя справедливости» кумранских отшельников, Иоанна Предтечу, Христа, — что вам останется, кроме как сталкиваться лбами с другими народами, пока все, как бараны Панурга, не свалятся и не разобьются?

★

Подумайте над тем, что вы прочли. И прежде чем осуждать меня, поймите. То, что у нас обычно называют народом, — совсем не народ, а мещанство. Это мещанство хочет, чтобы его принимали за народ, оно хочет называть себя народом, подчинить себе интеллигенцию, заставить ее относиться к себе, как к норме и образцу. Действительные поиски народности (африканской, океанической, примитивной) это мещанство не понимает и гонит. Действительную духовную традицию народов, в лучших ее порывах, это мещанство не понимает, не знает. Наследники этой традиции — мы, мы сами, и нам самим надо искать дорогу, не оглядываясь на большинство. Когда Орфей оглянулся, он второй раз потерял Эвридику... Потому даже с величайшей, глубочайшей точки зрения, на которую иногда становятся народники, нельзя проклинать бич Божий, истребляющий народы. Народы должны преобразиться. Ветхий Адам должен умереть, чтобы родился новый.

Пицунда.

Сентябрь 1967 — октябрь 1968.

Время не ждет

НАША СТРАНА НАХОДИТСЯ НА ПОВОРОТНОМ ПУНКТЕ ИСТОРИИ

Научно-техническая революция с необходимостью требует решительной демократизации экономической, а значит и политической структуры. Пойдут ли на это наши руководители? Есть ли у них другой выбор? Каков он? Хорошо это или плохо, но сейчас от их действий зависит не только благосостояние, но и сама жизнь миллионов людей и даже существование человечества. Но чем объективно определяются сами их действия и решения?

I

1. Всем известны две основные черты нашего строя: **руководящая роль партии и государственная собственность на средства производства**. Ясно, что при такой системе в руках людей, занимающих высокие посты в партии и государстве, сосредоточилась огромная власть. Причем, руководство никакими общественными институтами не контролируется и никакой ответственности перед народом не несет. Все решается в тиши кабинетов узкой группой лиц,

либо единолично (как во времена Сталина и в последние годы правления Хрущева). Решения проводятся в жизнь через соответствующие ведомства и компетентные органы, а иногда доводятся до сведения населения в виде готовых указов, законов и постановлений.

Кого же представляют люди, бесконтрольно управляющие нашей страной, в чьих интересах они действуют? Ведь у нас нет класса буржуазии. Значит политика руководства в конечном счете ведется в интересах народа, рабочего класса, устремлена на социальный прогресс, сохранение всеобщего мира? Так в течение многих лет пишут газеты. И многие из нас, произнося слова «советское государство», «партия и правительство», «советская власть», не задумываются над тем очевидным фактом, что власть эту осуществляет верхушка гигантской бюрократической пирамиды. **Партийный и государственный аппарат представляет по всей стране реальную и основную политическую силу**. Верхний слой этой пирамиды — аппарат номенклатурных работников, вершину которого образует ЦК

КПСС, Президиум ЦК, секретари ЦК, начальники отделов ЦК. Сюда примыкают генералитет, аппарат МВД и КГБ, высшие слои советского аппарата и т. д.

Армия номенклатурных работников занимает совершенно особое положение в нашем обществе. Мы видим только низовые звенья этого аппарата, тогда как людей, занимающих более высокие посты, иногда только наблюдаем на трибунах, во время заседаний, или проезжающими в своих лимузинах по улицам городов. В этих сферах особый воздух — воздух власти. Главная привилегия этих людей — распоряжаться другими людьми без всякой ответственности перед ними. Всем известны также и их материальные привилегии. Высокие зарплаты, дополняемые специальными льготами типа «пакетов»; роскошные городские квартиры: по всей стране дачи — правительственные, обкомовские, генеральские — с садами, цветниками, теннисными кортами, бассейнами. Персональные машины с шоферами, прислуга и повара для ответственных товарищей и членов их семей. Закрытые магазины, больницы и поликлиники, санатории высшего уровня, импортные лекарства и товары. В газетах — слова о близости к народу, бахвальство своим рабоче-крестьянским происхождением. На деле — глубокое презрение этих людей к трудящимся, ко всем, кто не причислен к их кругу. Уже давно сложился тип партийного бюрократа, упитанного, грубого, с грозно-деспотическими замашками. Конечно, не все люди, занимающие ответственные посты, таковы, но личные качества отдельных руководителей не могут изменить общей атмосферы в этих кругах.

Руководящие товарищи привыкли очень дорого ценить свое положение, хотя власть каждого из них сочетается с полной зависимостью от вышестоящего начальства. Они тонко чувствуют, куда дует ветер, у них есть одна реальная деятельность — борьба за карьеру. Они делают все, чтобы получить место, удержать его, продвигаться на лучшее. Управление народным хозяйством — задача для них второстепенная — это только один из способов выслужиться перед начальством. И ясно, что тот, для кого интересы дела важнее формальных показателей, тот, кто ради людей способен не почитаться с очередной директивой, никакого продвижения не добьется. Его всегда обойдут регивые и беспринципные конкуренты.

Но самое главное, что наряду с острой внутренней борьбой в среде правящей бюрократии существует определенная круговая порука. Категория номенклатурных работников является замкнутой. Еще с начала 30-х годов узаконена ограниченность партийно-бюрократических верхов от всех прочих слоев населения. Такая ограниченность получила свое выражение в понятии «номенклатура», в создании персональных списков проверенных, облеченных высшим партийным доверием лиц, которые имеют право на ответственную партийную и государственную работу. Бывает, что какого-нибудь руководителя снимают за его беззаконие или развал хозяйства. Но, проследив его дальнейшую судьбу, мы неизбежно обнаружим, что перевели его на новое место работы примерно на том же уровне. Подобные назначения делаются без лишнего шума, но делаются всегда.

Иными словами — **номенклатура не отчуждаема** так же, как и капитал в буржуазном обществе. Она служит правовой основой нашего строя, аналогично праву частной собственности при капитализме. Перед нами поистине особый и притом правящий класс нашего общества.

Как уже говорилось, основная функция представителей этого класса — делать карьеру. Предельного накала борьба за власть достигает на самом верху. На этом уровне неудачник уже не сохраняет своего прежнего положения, а победитель становится хозяином страны. Да, полномочным хозяином. Потому что руководители партии и правительства обладают не только безраздельной политической властью, в их руках находится и вся экономика. Государственная собственность на средства производства и централизованное планирование означают, что всеми сумма-

ми бюджета, всеми прибавочными продуктами, создаваемыми трудом народа, **коллективно распоряжается замкнутый круг лиц, каждый в соответствии с рангом.** Здесь номенклатура выступает как форма собственности. По существу это единый государственно-монополистический трест, в котором положение и пост равносильны пакету акций.

Такая система приводит естественно к жестокому политическому зажиму: ведь в условиях государственного хозяйства демократизация означала бы, что правящая номенклатура лишается своей собственности, передает ее народу.

Собственность государственная не значит — общенародная, так как собственником богатства является тот, кто может этим богатством распоряжаться, а народ ни в какой мере такой возможностью не обладает. Конечно, бюрократические вожди рассматривают страну как свою вотчину. И подобный строй именуют социализмом, а правящую партию коммунистической. То, что Ленин называл «бюрократическим извращением» рабочего государства, очень скоро после революции стало преобладающей, а затем и господствующей тенденцией в управлении страной. Красивые слова о светлом будущем — коммунизме, непрерывная спекуляция именем Ленина, словесное отождествление себя с рабочим классом — все это используется преуспевающими сановниками, чтобы обосновать и прикрыть свое полномочие. Вся официальная идеология верой и правдой охраняет их монопольную собственность — любое отрицание абсолютной власти государства называется реставрацией капитализма.

А государство — не капиталист? Возможностей эксплуатировать трудящихся у него гораздо больше, чем у отдельных буржуев. Не боясь конкуренции, они устанавливают свои цены, свои ставки заработной платы. Как известно, государство взимает налог с оборота, повышающий цены на товары народного потребления на сотни процентов по сравнению с себестоимостью и практически равный нулю для товаров тяжелой индустрии и военной продукции. Этот налог является главной статьей дохода бюджета. В условиях же абсолютной политической власти государственная монополия практически не ограничена в средствах — принудительный труд, произвольные вычеты из зарплаты, из доходов населения, прикрепление крестьян к земле и т. п. **И все это происходит в нашей стране.**

2. Единая монополия несет в себе постоянную угрозу стране и народу. Уже давно узаконена и процветает система управления экономикой, позволяющая властям волевым образом и в кратчайшие сроки выжимать средства у населения и из народного хозяйства. В деревне подобная система внедрялась путем принудительной коллективизации, стоившей жизни многим миллионам крестьян и приведшей к хроническому дефициту продовольствия, не изжитому и по сие время. Коллективизация и сопровождающие ее разорение и выселение огромных масс крестьян вызвали страшный голод в 1932—34 гг., когда, к примеру, на Украине вымерла третья часть сельского населения и когда «Россия, мать-кормилица, в Москву с котомкою пришла». Одновременно была установлена ликвидированная революцией паспортная система: горожане были поставлены на строгий учет в органах милиции, колхозники же не получили (и до сих пор не имеют) паспортов и не могут уйти из колхозов без разрешения председателя. Таким образом, крестьянство было не только экспроприровано, но и прикреплено к земле. Председатель колхоза фактически назначается райкомом партии и подчиняется ему, а не общему собранию.

Сталин рубил плеча — одних только членов партии до войны было убито около миллиона. Кровавый террор, применение в общегосударственном масштабе рабского труда миллионов заключенных, полное замораживание жилищного строительства и производства товаров ширпотреба. И до войны и после войны продолжалось разорение деревни непомерными налогами и обязательными постав-

ками. Нищета и голод в деревне, нищета и труппы в городе. А в это время помимо основных расходов на индустрию и военную промышленность, миллиарды рублей тратились на помощь Мао Цзэ-дуну, на «Великие стройки коммунизма» или просто вылетали в трубу вследствие бесхозяйственности.

Все помнят, как хозяйничал Хрущев. У него были разнообразные и далеко идущие планы. В своей честолюбивой внешней политике он сорил народными деньгами, выкладывая миллиарды. К слову сказать, современное руководство делает то же самое, но без лишнего ума. Сама по себе дорогая космическая программа явилась лишь побочным продуктом изнуряющей ракетной гонки. Ведь ни для кого не секрет, что Хрущев начал эту гонку, чем и объясняется первоначальное отставание США в космосе. Переориентировка народного хозяйства то на кукурузу, то на химию; множество нерентабельных строек. Все — в приказном порядке и все требует денег. Ясно, как возникает распыление средств — этот постоянный бич нашей экономики.

Выделив определенные суммы на жилищное строительство, Хрущев поспешил изъять у трудящихся еще больше. И снова — разорение колхозников путем принудительной продажи им техники МТС, периодические ограничения на личные хозяйства колхозников, а также рабочих, живущих в пригородах. Всем памятна массовые забои скота. Постоянный рост цен, систематическое повышение норм выработки, снижение расценок и упорядочение зарплаты. Пролетариат терпит все. А как же иначе? У нас социализм, буржуазии нет, партия рабочая. Кроме того, еще с 20-х годов запрещены забастовки. Любое коллективное выступление трудящихся получило презрительное название «коллективки», считается саботажем и карается «органами» как антисоветское. В случае массовых выступлений власти вызывают войска. Правда, вместе с тем делают послабление — временно улучшают снабжение, применяя известную тактику кнута и пряника. Так было в Караганде, Новочеркасске и других местах.

Надо сказать, что до массовых выступлений дело почти никогда не доходит. Профсоюзы давно превращены в послушный придаток партии. Система слежки и доносов, множество внештатных осведомителей позволяют парторганизациям и органам МВД выявлять и подавлять в зарчатке всякое организованное недовольство. Целая армия пропагандистов, агитаторов, журналистов внушает необходимость работать больше и больше, благодарить партию за все заработанное и ненавидеть вредных смутьянов.

3. Все выше изложенное на самом деле знает каждый. Но многие скажут: «Мы прожили трудные годы, но другого пути нет. Извращения и ошибки — это болезни роста. Ничего нельзя достичь, если не заставляешь людей работать. Главное, что в исторически короткие сроки страна совершила гигантский скачок: стала по своей военной мощи одной из двух ведущих держав мира; наш опыт служит примером для всего мира. Теперь же ошибки исправляются, проводится хозяйственная реформа. Культ Сталина, волонтаризм Хрущева — это дело прошлое».

Так рассуждают те, кто представляет себе историю СССР в виде прямолинейного движения вперед, через трудности к лучшему будущему. На фоне безобразий и лишений, нашим же руководством создаваемых, всякое улучшение воспринимается как успех. Но разве все, что было, случайность? Случайно ли, что применение наших методов в Китае привело к развалу и застою в экономике? У нас во время «большого скачка» 30-х годов подобного краха не произошло только благодаря неисчерпаемым ресурсам. Эти ресурсы, а также валютные поступления от их экспорта, позволяли руководству в тяжелой и военной индустрии идти успешно за «лидером», внедряя технику, разработанную и испытанную в развитых странах. Кроме того, нельзя забывать, что Россия в начале века уже вступила в стадию ускоренного развития промышленности.

Как и в нынешнем Китае, стратегия «больших скачков» разоряла страну. Всеобщий беспорядок создавался в хозяйстве невыполненными планами, запрещением правильной статистики, истреблением кадров, «которые решают все». В итоге коллективизации масса товарного хлеба только уменьшилась, хотя колхозникам не оставляли ничего. Сверхэксплуатация трудящихся и природные богатства едва перекрыли накладные расходы системы. Небывальными, и главное, ненужными жертвами обернулся народу такой способ развития.

Конечно, острые проблемы отсталых стран требуют решительных аграрных реформ, контроля над деятельностью иностранных монополий, централизованных программ развития, в том числе всеобщей грамотности. Средства на это правительство может получить, в частности, и путем коллективизации. Однако наш путь означает гораздо большее — запрет всякой хозяйственной деятельности, независимой от государства; подчинение профсоюзов государству; установление системы, которая позволяет партийным или военным диктаторам **всю страну принести в жертву своим честолюбивым замыслам**. Если говорить о положительном примере для развивающихся стран, то таковым может служить опыт Японии, но уж никак не китайский и не наш.

А кто вернет к жизни миллионы убитых? Кто восполнит разрушение духовных ценностей, массовую ликвидацию тех, кто эти ценности создает? Целый исторический период вычеркнут из творческой жизни России — страны великой культуры. И сейчас культурная жизнь задушена. Все каналы общения с читателем или зрителем находятся под строгим надзором. Сколько рукописей погребено в письменных столах, сколько картин, скульптур пылится в подвалах, не имея никакой перспективы появиться на свет. Необычайно богата талантами наша земля — можно себе представить, сколько их гибнет в условиях цензуры и самоцензуры. Потому что любое произведение либо запрещается, либо его выхолащивают, направляют в «главное русло». Все должно служить идеологическому воспитанию, сеять оптимизм, отображать героики наших дней.

Запрет правдивой информации, стандартизация образования, формалистика и опека во всем делают свое дело — приводят к духовному оскудению, убивают в людях живую инициативу. Все, что делается, должно быть утверждено сверху, остальное не может существовать, не имеет на это права. Неужели это болезнь роста?

Чего ожидать в будущем? Насколько исправимы пороки нашей системы? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо понять, по какому принципу система функционирует, к чему стремится.

Нелегко сознавать, что все мы находимся под властью одной монополии. Наши руководители мановением руки приводят в движение огромную государственную машину, **но сами они слепы**. Секретность в принятии решений, келейность, отсутствие критики лишают даже сами верхи объективной информации. Полный централизм и бесконтрольность властей закономерно порождают **анархию сверху**, когда страной управляют с помощью кампаний и лозунгов. Постоянный дефицит, провалы, авралы, показуха и приписки — известно, какой у нас беспорядок на всех уровнях.

Можно ли называть плановым хозяйством, в котором нормой является механическое планирование от достигнутого; неувязки и непрерывные изменения, взаимная безответственность поставщиков и заказчиков; сознательное разбавление денег лишь для того, чтобы освоить предусмотренные планом средства?

Все это — бюрократическая стихия. Верхи пытаются справиться с ней дисциплинарными мерами, созданием дополнительных органов типа «народного контроля». Но попытки бюрократической машины добиться улучшения путем самоорганизации порочны в своей основе. Эти меры не идут дальше исправления отдельных нарушений, допущенных **нижними звеньями** хозяйственного аппарата.

Сейчас же, в эпоху разнообразного и бурного научно-технического прогресса, недостатки нашей системы скажутся десятикратно. Все знают, например, насколько косность центрального планирования затрудняет перевод производства на прогрессивную технологию. Поэтому столько разговоров о реформах. Но половинчатая реформа тут не поможет, да и она по существу выхолощена — в ограничении «субъективного фактора» высокие начальники видят угрозу своей власти.

Не умея организовать хозяйство, берут в другом — все бросаются на выполнение нескольких заданий. И, чем грандиознее замыслы очередных правителей, чем значительнее суммы, теремые по вине планирующих органов, тем больше ставка на энтузиазм, тем больше в газетах и по радио трескотни о рабочей чести, о необходимости искать резервы и беречь каждую копейку. **Нет у нас хозяина, а есть всеильный и жадный потребитель — партийно-государственная бюрократия.** В слепой жадности государство постоянно вредит даже своим собственным интересам.

Десятилетиями не ремонтируются, не совершенствуются элеваторы, комбинаты по приемке фруктов, овощей, рыбы. В результате — огромные трудовые и материальные потери. А хроническая экономия на производстве запасных частей, из-за которых приходится списывать дорогостоящее оборудование? А погоня за выполнением спущенного плана **любой ценой?** На каждом предприятии пренебрегают вспомогательным производством ради основного и в результате — в ущерб основному. Глупо винить директоров — их действия обусловлены системой формальной отчетности. В погоне за немедленной выгодой государство экономит в малом, а теряет в большом.

Правительство продает за валюту огромные лесные массивы, лесозаготовительные организации гонят план, снимают все подчистую, особенно по берегам водоемов. Это опаснее лесных пожаров. А сколько леса теряется при вывозе и мелевом сплаве! Все выжимали из целины, запретили пары — теперь почвы истощились, урожайность упала. Сточными водами отравляют реки и озера, губят рыбу, потому что заводы сдают без очистительных сооружений. Зато начальство докладывает партии и правительству о досрочном введении в строй новых объектов, получает премиальные и повышения. Теперь пишут в газетах: «Воле быть чистой» — спохватились, когда резкое сокращение улова осетра сказалось на валютных поступлениях. О многих безобразиях пишут сейчас газеты, никогда, однако, не называя главных виновников, не делая должных обобщений, ограничиваясь благими пожеланиями.

Также в оплате труда — жалеют копейки, а теряют миллионы. В то время, когда колхозники работали «за палочки», т. е. за право пользоваться крохотным приусадебным участком, на корню гибли урожаи — некому было убирать. Но горе было тому председателю, который спал урожай, на свой страх и риск расплатившись с колхозниками малой долей его: такого председателя отдавали под суд за растрату социалистической собственности. Нам внушают, что подобные извращения изжиты и не повторятся. Почему? Кто и как нам это гарантирует? Разве изменился наш общественный строй? На уборку систематически посылаются рабочие, инженеры, студенты. Это в стране, где 45% населения живет в деревне! Государство постоянно действует по принципу: ни людям, ни себе. Сколько лет пишут газеты о вреде текучести кадров! А что меняется? Государство ведет свою административную борьбу с «летунами», но по-прежнему почти не отпускает средств на благоустройство жизни рабочих и специалистов. Жилых домов сейчас строят больше по сравнению со сталинскими временами, но очень мало по сравнению с народной нуждой. Очереди на получение или расширение жилплощади надо ждать многие годы. В Ленинграде, например, райсоветы даже не ставят на очередь семьи, имеющие более 4,5 кв. м на человека (при официальной санитарной норме 12 кв. м).

Государство охотно экономит и на детях и на здоровье трудящихся. Всем известно низкое качество детских садов и, особенно, яслей. Но может ли быть иначе при возмутительной перегрузке персонала? Из наших же денег выделяют ничтожную часть на «бесплатное» лечение. Нормы содержания больных в больнице в последнее время существенно урезаны (60 копеек в день на питание), больницы переполнены. Не хватает младшего медицинского персонала, так как работа очень тяжела, а зарплата низка. На районного врача приходится десятки больных ежедневно, в поликлиниках многочасовые очереди. Тем не менее нормы загрузки врачей и детских учреждений не снижают, а даже увеличивают. Опять проявление слепоты: ведь потеря здоровья сказывается на производительности труда. Не меньше сказывается и система розничной торговли, при которой люди тратят в нерабочее время так много времени и нервов на удовлетворение самых насущных потребностей. Это время только кажется нерабочим: стоя в очередях, мы зарабатываем государству грошевую экономию — финансовым органам строго предписано экономить на штатах в торговле и сфере обслуживания.

И все, как правило, молча терпят безобразия. Потому что жалобы писать — все равно не найдешь виноватого. Кроме того, исправление отдельных недостатков не изменит существа системы. Государство же в любом случае не прогорит: нет конкурента. Монополия ведет к безответственности перед потребителями, безответственности по существу выполняемой работы. Отсюда низкое качество не только обслуживания, но также и промышленной продукции, строительства, образования (особенно вечернего) и т. д. и т. п. Нельзя забывать также, что уровень снабжения и обслуживания в центральных городах остается недостижимым идеалом для большей части страны.

Кто виноват во всем этом? Есть ли такие? Да, есть, но они слишком высоко. Это те, кто возвращает трудящимся лишь малую толику результатов их труда. Это те, кто прямо заинтересован в сохранении существующих порядков, потому что такие порядки обеспечивают им власть. Руководящим товарищам нет дела до наших проблем, они мыслят другими категориями. Ничего не желая менять, они сурово карают за любой публичный протест.

И тем не менее мы переживаем сейчас период относительного благополучия. Неоднократно и при Сталине и при Хрущеве руководство, соблаговолит прислушаться к голосу экономистов, нехотя санкционировало повышение уровня жизни. Экономисты доказали, что соблюдение принципа материальной заинтересованности окупится государству сторицей; иными словами доказывали, что работников надо кормить. На этот раз это особенно сказалося в деревне после мартовского пленума ЦК КПСС 1956 г.; но и в городах доходы граждан несомненно возросли. Но денежное стимулирование не может быть эффективным, если трудящимся нечего купить на заработанные деньги. Прямой выход из положения — выпуск достаточного количества товаров народного потребления — крайне нежелателен для руководства, так как требует значительных бюджетных ассигнований. А денег нашим хозяевам всегда не хватает. И снова все больше проявляется тенденция отбросить назад скромный прирост доходов населения, пополнив тем самым бюджетный дефицит. Под видом изменения марки товаров проводится непрерывное повышение цен. Снова в центральной прессе дают установки ограничить доходы колхозников, увеличить отчисления в недельные фонды. Как всегда делается ставка на массовое потребление водки, особенно в северных и восточных районах. А кто сейчас вспомнит о 6-часовом рабочем дне, обещанном программой партии?

Но если руководители пожелают, то пойдут на более крутые меры — денежная реформа, увеличение обязательных поставок и налогов, свертывание жилищного строительства.

Руководство безудержно хвастает своей заботой о благе народа. Шумят много, а выделяют гроши. Не нужно

думать, однако, что это вынужденная экономия, что наверху ведут строгий учет. Свои «главные» задачи руководители финансируют не задумываясь. Правящая бюрократия не может разумно организовывать хозяйство, да и не в этом ее цель. В каждый момент она стремится выжать из населения страны как можно больше, бросая все на достижение действительных своих целей. **Каковы же эти цели?**

II.

1. **Нам доказывают**, что производил отдельных личностей — это историческая случайность. От чего же объективно зависит политика государства при нашем общественном строе? **Куда в основном идет труд народа?**

Задачи, которые ставят себе руководители партии и правительства, определяются общественным положением наших лидеров — они плоть от плоти бюрократического аппарата, успешно сделали карьеру и стали хозяевами страны. У них есть только две реальных цели: 1) борьба за власть со своими соперниками внутри и 2) стремление распространить свою власть за пределы страны. Вторая цель возникает естественно, так как у тех, кто прибрал к рукам такую страну и такой народ, от власти и безнаказанности кружится голова, растут аппетиты. Эта цель по своей природе способна сплотить всех членов правящей элиты, всегда готовых сбросить друг друга. И потому она снова и снова ставится на всех этапах борьбы за власть. Отсюда постоянная сверхзадача политики государства — «вытеснить империалистов» откуда возможно, как можно скорее превзойти развитые капиталистические страны по **военному потенциалу**. Сверху подстегивают — давай, давай! Догоним и перегоним любой ценой и любыми жертвами! Каждый лидер хочет быть звездой первой величины на мировой арене, хочет всем диктовать свою волю. А для этого в первую очередь нужна военная мощь.

Да, по этим показателям мы достигли успеха. Не случайно, что и Китай, несмотря на развал и голод, — сильная в военном отношении страна. Потому что наша система позволяет все направить на одно. Власти могут уморить значительную часть населения, но сделают атомную бомбу и ракеты, будут содержать огромную армию. Наш общественный строй дает правительству большие преимущества по сравнению с буржуазным, где каждая прибавка к военному бюджету, каждое увеличение налогов должны утверждаться парламентом и где, вследствие забастовочной борьбы, невозможно резкое снижение потребления. Как пишут в газетах: «Капитал вынужден идти на определенные уступки трудящимся».

У нас это не обязательно. Сейчас, как и раньше, руководство пускает на военные цели основную часть прибавочного продукта, не жалея денег на дорогостоящую и опасную политику в различных районах земного шара.

Ассигнования на нужды Министерства обороны — это малая часть фактических расходов. Помимо Министерства обороны существует ряд ведомств, подчиненных военному отделу ЦК, таких, как министерства среднего машиностроения (атомная промышленность), общего машиностроения (ракеты), электронной промышленности и др. Кроме того, промышленность, подчиненная другим ведомствам и комитетам, также в значительной мере является подсобным хозяйством военной индустрии: черная и цветная металлургия, министерства станкостроительной, электрохимической промышленности и т. д. То же самое относится к науке. По всей стране раскинулась гигантская сеть закрытых предприятий и институтов, так называемых «почтовых ящиков». О масштабах военной науки и промышленности говорит тот факт, что на работу в «почтовые ящики» распределяется большинство молодых специалистов, окончивающих технические вузы страны. Все это окружено завесой секретности с одной целью — скрыть масштабы военной индустрии от собственного народа и от мирового общественного мнения.

Наши официальные цифры военных расходов не сопоставимы с зарубежными еще и потому, что цены на продукцию тяжелой промышленности и особенно военную у нас искусственно занижены по сравнению с мировыми. Цены же на продукты потребления значительно выше мировых. Отсюда в официальной статистике и получается, что уровень потребления у нас высокий, а военные расходы сравнительно скромные. В действительности дело обстоит как раз наоборот. **Доля потребления в нашей экономике в несколько раз ниже, чем в США, а доля военных расходов — в несколько раз выше.** Как признают докладчики ЦК, по уровню жизни СССР занимает 27-е место в мире. А ведь и эта цифра составлена по нашим официальным данным зарплаток, цен, услуг.

«Военно-промышленный комплекс» у нас в стране подчинил себе все хозяйство, оттеснил все мирные нужды потребления и даже развития, определяет политику, как нигде в мире, разве только в Китае. Только наш общественный строй позволяет руководству в мирное время в течение десятилетий держать страну в таком напряжении.

2. Но может быть вся эта гонка вооружений, все лишения и жертвы народа диктуются суровой необходимостью? В течение нескольких десятилетий нам ежедневно повторяют о враждебном окружении, об угрозе империалистов, и в последние годы, западногерманских реваншистов. И только один раз, когда угроза была, о ней молчали. Мало того, что молчали, — заключили с Гитлером пакт дружбы, поставляли ему стратегические товары. Причина этого — политика Сталина, который хотел захватов. В конце 30-х годов он развязал войну с Финляндией, а с Гитлером договорился о разделе Польши, о включении в Советский Союз трех прибалтийских государств и ряда западных областей.

Согласно официальной версии, договор с Германией был необходим в условиях мюнхенского соглашения западных стран, поскольку, заключив его, Сталин отвел от СССР первый удар гитлеризма. Однако для самого Сталина этот договор имел гораздо большее значение, а вот для Гитлера был просто уловкой. Что мы делали два года (1939—1941), когда Гитлер захватами в Западной Европе готовил себе прочный тыл для нападения на СССР? — Активно ему помогали. Эшелон за эшелонам зеленой улылкой шли из СССР в Германию нефть и другие стратегические товары. И в то же время ликвидировалась линия укреплений на нашей границе с Германией. Дело в том, что для Сталина вопрос о разделе земного шара между странами фашистского блока и СССР был окончательно решен еще 23 августа 1939 г. И недаром до сих пор наше руководство отказывается публиковать стенограммы московских переговоров, о чем писала газета итальянской компартии «Унита». Все знают, как Сталин верил Гитлеру. Поэтому военные приготовления Германии и даже концентрация военных дивизий у наших границ, он, видите ли, расценивал как желание Гитлера испытать его, Сталина, верность договору. Поэтому он игнорировал все сообщения о готовящемся нападении. Люди среднего и старшего поколения знают не из газет и не понаслышке, какой все это обернулось трагедией.

И не мудростью Сталина или его окружения, а героическими усилиями и колоссальными жертвами советского народа объясняется разгром гитлеризма в Великой отечественной войне. Эти жертвы не будут забыты никогда.

Но можно ли забыть, можно ли постичь умом трагедию солдата, прошедшего ужас немецкого плена, пережившего радость освобождения и возвращения на родную землю и вдруг понявшего, что здесь его ждет многолетний концлагерь? Таких были сотни тысяч.

Можно ли это замалчивать? Можно ли забыть трагедию солдат, которые многие годы после победы не могли увидеть семью, потому что их задерживали сверхсрочно или в принудительном порядке отправляли в шахты и на стройки? Победа вдохновила Сталина. После войны он сохранил многомиллионную армию и, не считаясь с разру-

хой и голодом, ценой страданий и нищеты советского народа всю страну бросил на скорейшее развитие военной промышленности. Освобожденную нами от Гитлера Восточную половину Европы он рассматривал как свое личное приобретение и несомненно хотел большего. Да, разоружившиеся после победы западные страны спустя три года создали НАТО, снова начали вооружаться. Но кто бы стал сидеть сложа руки, доверившись Сталину? Сталина, который в своей стране ни за что ни про что перебил миллионы людей, по приказу которого ведомство Берии навредило порядок в создавшихся странах Народной демократии.

Все послевоенные годы напряженность не ослабевает: гонка вооружений, блокада Западного Берлина, проба сил в Корее. Обладание ядерным оружием навело у престарелого гения языкознания иллюзию легкой победы в мировой войне. Объяснять Сталину, что мы не готовы, охотников не было. Оккупация Европы до Ламанша была назначена на 1953 год. Об этом мало кто знает, потому что смерть Сталина перечеркнула эти планы. Но зато от многих можно услышать: «А жаль, что в 1945 г. Сталин не позволил Жукову пойти на Париж. Действительно, наша армия, закаленная в многолетней войне, с легкостью смяла бы войска союзников, но тогда Сталину помешала монополия Америки на атомное оружие».

После 1953 г. тактика правительства переменилась. Было заключено перемирие в Корее и взят курс на «мирное сосуществование». Напряженность, однако, не исчезла. По словам Джона Кеннеди, основная концепция внешней политики Хрущева была следующая: «Что наше — то наше, а о том, что ваше — давайте сперва вести переговоры». Куба, Африка, Ближний Восток, Дальний Восток — у Хрущева везде появились друзья личные, которых он «спасает от империалистов». Эта линия продолжается и сейчас. Дорого обходится народу стремление наших вождей повсюду распространить свое влияние. А чего они добились? Китай откололся, с Фиделем Кастро поссорились, «друзья» оказываются ненадежными. Но вопреки очевидности руководство следует прежним курсом. Всякому, кто хочет его пересмотреть, грозит обвинение в «предательстве интересов социализма», он теряет опору среди высших слоев аппарата.

В Европе периодически возникают признания ситуаций, в которых опять обвиняют поджигателей войны — боннских реваншистов и военщину Пентагона. Невольно возникает вопрос — почему не уменьшается напряженность, несмотря на то, что «соотношение сил все больше меняется в пользу социализма»? Ведь каждому ясно, что по сравнению с Советским Союзом Западная Германия — пигмей в военном отношении. Запад ее вооружает только потому, что боится нас, хочет иметь какой-то заслон. Захоти наше правительство — оно давно бы договорилось с Америкой о разоружении под эффективным народным контролем, а также по другим вопросам, включая и германский. Однако наши лидеры не только свой народ — всех желают держать под сапогом, и мирное урегулирование не входит в их планы.

Они-то знают, что никто нам не угрожает, никто в ядерный век не может угрожать державе с такой территорией. Может быть США пойдут на самоубийство? Еще неизвестно, осмелятся ли они вмешаться, если мы двинемся на Запад. Де-Голль не верил в их помощь и потому предпочел создать свое ядерное оружие. Все время расширяется лагерь социализма, т. е. сфера влияния СССР и Китая, а империалисты отступают или упираются, как, например, во Вьетнаме. Любое решительное действие, связанное хотя бы с небольшим риском, вызывает у них волну протестов и бурю негодований. Парламентская система мешает лидерам идти на крупный риск, за что ее всегда презирали диктаторы вроде Гитлера. **Зато у нас ничто и никто не мешает руководителям рисковать собственным народом.** Ни перед кем они не отчитываются, не знают что такое вотум недоверия, отклонение законопроекта,

общественное мнение, всеобщая забастовка, боязнь проиграть на выборах.

СССР — единственная из крупных держав, сделавшая за последние десятилетия территориальные приобретения. Наши хозяева навязали и продолжают навязывать миру опасную гонку вооружений. Все нас боится и потому вооружаются. Но этот страх, может быть очень лестный, дорого стоит. Прежде чем начать сооружение противоракетной системы, США два года добивались договоренности с нами о взаимном отказе от этой системы. Теперь и мы и они выбрасываем на нее многие миллиарды. Парадокс заключается в том, что для их экономики такое бремя куда легче чем для нашей. Но у нас денег не считают.

Но хуже любых затрат опасность того, что наши вожди в сознании своей мудрости, хоть один раз допустят грубую ошибку, слишком рассчитывая на нерешительность и уступчивость противника. Как же мы допустим, чтобы конец света зависел от пронизательности безответственных бюрократов?

Советское правительство неустанно повторяет, что его ленинская внешняя политика направлена на обуздание сил реакции и войны. И приходится констатировать, что эти уверения достигают цели; на тех же, кто не верит газетам, действует доверительный тон закрытых докладов и писем ЦК. Именно в вопросах внешней политики люди верят в государственную мудрость и правоту своих руководителей, хотя хорошо знают, много ли мудрости и справедливости они проявляют во внутренних делах. И все становятся торжественно-суровы, как только услышат по радио знакомый голос Левитана, читающего очередное Заявление. А правительству только этого и надо. Профессиональные пропагандисты **пользуются тем, что перед лицом заграницы каждый отождествляет себя и государство, себя и вождей.** Они играют на чувстве национального самодовольства: вот, мол, мы какие, какая наша страна могучая, мы воевать не...* устраивать войну или нет, какую вести политику, в какую часть света посылать войска и оружие.

Чешский вариант социализма предусматривал ликвидацию засилия бюрократического партаппарата и введение некоторых политических свобод. Немудрено, что наши советские бюрократы увидели в этом опасный пример, прямую угрозу своей власти. И вот хорошо оплаченные журналисты, карикатуристы и прочая челядь внушают нам, что союзные войска вошли в Чехословакию, чтобы защитить ее от посягательств западногерманских реваншистов и предотвратить ее откол от социалистического лагеря. И многие этому верят, легко забывая, что чехи относились к нам лучше, чем кто-либо в Восточной Европе, не допускали мысли о разрыве тесного союза с СССР, тем более об уступках ФРГ.

Партийные сановники знают, что необходимость любого мероприятия сумеют «объяснить», ссылаясь на угрозу из-за железного занавеса, спекулируя на интересах Родины и советском патриотизме. И вьют из народа веревки и народ верит, что страдает не зря. Даже непопулярного Хрущева одобряли во всей его внешней политике. А между тем «миролюбивый» Хрущев подводил мир на грань термоядерной катастрофы, когда посылал ракеты на Кубу или пытался сделать Западный Берлин «вольным городом», пугая США сверхмощной бомбой.

Это был опасный период. **Но сейчас ситуация гораздо опаснее.** Потому что впервые за долгое время руководству стало казаться, что оно обладает достаточной военной силой. Кроме того, вследствие бурного развития экономики западных стран, вызванного научно-технической революцией, наши лидеры более не могут рассчитывать на победу над капитализмом в мирном экономическом соревновании.

1. **Существовавшее у нас длительное время опережение Запада по темпам роста производства — это**

* По всей вероятности пропущено одно или несколько слов.

наглядное проявление известного закона неравномерности развития. И вследствие того же закона теперь мы отстаем. Начавшаяся сравнительно недавно в США научно-техническая революция бурно нарастает и постепенно распространяется на весь мир. В отдельные годы прирост национального продукта в США достигал 8%, а в среднем за последнее время составлял 5—6% в год. И это при ускоренном обновлении основного капитала. И хотя в странах «общего рынка» также происходит бурный рост производства, «технический разрыв» между США и Европой все время увеличивается, что показывает масштабы происходящего в США промышленного переворота. В этих условиях мы существенно отстаем по важнейшему показателю — по качественной структуре основных средств производства.

В эпоху научно-технической революции **скачкообразное обновление основных фондов становится буднями производства**, и главным требованием является быстрота разработки и внедрения новых технических достижений, быстрое освоение новых мощностей. Но это всегда требует больших, непредусмотренных планом, **связанных с риском**, вложений, для этого нужны резервы, нужна огромная правовая и финансовая самостоятельность отдельных производственных единиц и заинтересованность их руководителей. Нужно объективное ценообразование и экономически обоснованное управление производством. Все этого у нас нет.

Напротив, вместо гибкого маневрирования — ведомственный бюрократизм и бумажная волокита. Жесткие планы и вместе с тем несоответствие между текущими и перспективными заданиями производству, преобладание системы экономического стимулирования **текущего** производства. Долгие сроки строительства, неповоротливая и многоступенчатая система снабжения и сбыта — в результате омертвление материалов и новой техники. На многих предприятиях работает на износ техника еще 30-х годов. Производительность труда у нас и ниже и **растет медленнее**, чем в других развитых странах.

Сейчас у нас многие говорят о хозрасчете и материальной ответственности на всех уровнях. Но никакой хозрасчет не будет эффективным, пока господствует административная отчетность. Никакие централизованные показатели эффективности новой техники и качества продукции, никакой бюрократический надзор за соблюдением технологии не заменят такого контролера, как сам потребитель. При необоснованных ценах по существу бесполезны критерии прибыли и рентабельности. Но и десять госкомитетов цен не решат проблемы. Все это — азбучные истины. Газеты пишут о необходимости расширения и углубления реформы, но в основном все остается на бумаге. На то есть ряд объективных причин:

1) Переход к научно-обоснованным, экономическим методам регулирования требует сокращения военных расходов. Военная мощь нашей страны не соответствует ее промышленному потенциалу. Если в США доля военных расходов в валовом национальном продукте составляет 9—10%, то у нас, как уже говорилось, эта доля в несколько раз выше. Поддерживать столь непропорциональное соотношение между потреблением и военными расходами, взваливать на страну такую непомерную производительную нагрузку можно только путем волевого, административного воздействия.

2) Действительная реформа означала бы определенное ослабление системы экономического абсолютизма — основы нашего социального строя. Автономия хозяйственных единиц урезает привилегии аппарата министерств и отделов ЦК распоряжаться всем вплоть до мелочей.

3) Ограничение экономического абсолютизма способствовало бы демократизации всего общества. Начали бы выдвигаться новые люди, стала бы очевидной ненужность, паразитичность высшего партийного слоя, разрушилась бы та обстановка глубокой секретности, канцелярской тайны, в которой только и процветают наши хозяева. Они

это отлично сознают. Поэтому властью своей выхолощают реформу вопреки очевидной экономической необходимости, с великой неохотой идут даже на небольшое расширение прав предприятий.

Дело еще и в том, что преобразования — процесс лавинообразный. Необходимость более решительных изменений наиболее остро чувствуют те предприятия, которые начали работать по-новому в рамках проводимой реформы, а верхи не желают подобных обострений. На отстаивание в техническом прогрессе они реагируют единственно понятным им способом — собирают заседания и заносят решения в протокол. В результате появляются бессодержательные постановления, в которых ЦК КПСС обязывает «устранить недостатки», «принять неотложные меры», «разработать и осуществить». Если в правительстве и есть люди, которые хотели бы провести реальные преобразования, то они бессильны перед решимостью высших слоев бюрократического аппарата не отдавать привилегию волевого вмешательства.

2. Однако такая неуступчивость влечет за собой **все большее** экономическое отставание. Острота современной ситуации в том, что правители наши оказались в очень трудном положении. Не желая уступить требованиям жизни внутри, они проигрывают экономическое соревнование с Западом вовне. В этих условиях велик соблазн разрешить все трудности одним ударом — оккупировать Европу, ликвидировать НАТО, изолировать США. Тем более, что в будущем **отставание в промышленности неизбежно скажется на боеспособности вооруженных сил**. Вместо того, чтобы сократить военные расходы, провести реформы и тем самым выиграть в экономике, они делают ставку на скорейшее наращивание военной мощи. В этом вопросе современное руководство пошло значительно дальше Хрущева.

В течение ряда лет на наших глазах проводится в жизнь программа усиленного оснащения армии обычными средствами вооружения. Уже сейчас такого вооружения, в том числе танков и самолетов, у нас гораздо больше, чем у НАТО, армия несравненно больше. И если Запад не пойдет на ядерное самоубийство, то, как считают наши генералы, вполне возможен стремительный бросок до Пиринев и Ламанша. Осенью 1967 г. был принят новый закон о всеобщей воинской повинности, который позволил практически удвоить армию. Летом-осенью 1968 г. были призваны сотни тысяч младших офицеров. Ушли в армию выпускники технических, гуманитарных и медицинских институтов страны, а также работающие специалисты в возрасте до 30 лет. В этом году кампания продолжается. Рядовой состав был увеличен за счет снижения призывного возраста до 18 лет, так что сейчас служат два призыва. Увольнение же в запас производят в таком размере, чтобы не допустить обратного уменьшения состава. Одновременно решением правительства ряд долгосрочных капитальных вложений был переведен на нужды Министерства обороны. Наконец, во всей пропаганде заметно характерное раздвоение: стремление к успокоению вне страны и к повышению готовности внутри.

Все это еще не значит, что война близка, но значит, что руководство считает возможной близкую войну. Может быть ее придется отложить, и тогда ослабнут указанные тревожные симптомы. Но сама установка — это явление, с которым нужно серьезно считаться.

Многие полагают, что проводимые меры объясняются китайской угрозой. Надо признать — удивительно ненадежных друзей выбирает наше мудрое правительство: дружили с Гитлером — напал; дружили с Мао Цзэ-дунем, по существу привели его к власти, вооружили, подготовили множество специалистов-ядерщиков, взрастили его как союзника против «общего врага» — получили хорошего соседа. Но главное, что соседство маоистского Китая не сделало наше руководство сдержаннее по отношению к остальному миру. Оно активно помогает друзьям Китая — северовьетнамцам. По приказу китайских советников, под

командованием китайских офицеров, вооруженные нами дивизии направляются в Южный Вьетнам и Лаос. Мы тратим огромные средства с одной целью — чтобы американцы потратили еще больше, а выигрывает Китай. Несмотря на китайские провокации, газеты, как и раньше, пишут об угрозе ястребов из Пентагона, понукаемых милитаристами с Рейна, обвиняют Пекин в том, что он «не ведет борьбы против империализма и его агрессивной политики».

Наши руководители даже не отрицают, что Китай — это всего-навсего неожиданная помеха (и досадная) в их главной деятельности, в так называемой антиимпериалистической борьбе. Вслед за оккупацией Чехословакии проводится серия маневров у наших западных границ и на территории стран участниц Варшавского пакта, наращивается военно-морской потенциал в Средиземном море. Ожидая удара, Югославия произвела всеобщее вооружение народа. Создается впечатление, что обострения с Китаем кому-то у нас очень на руку. Оно смягчает нежелательный эффект чешской акции, которая, как известно, вызвала некоторую активизацию сил НАТО, укрепила этот совсем уже было распадавшийся блок.

У кого-то все это вызывает возмущение: «Какие-то домыслы о советской угрозе в духе западной пропаганды. Конечно мы сильны. Но ведь мы не собираемся ни на кого нападать. Не может наше правительство пойти на такое безумие. И если даже нашлись наверху горячие головы, начали подготовку к войне, то на войну они все равно не решатся. Риск был бы слишком велик, так как неизбежно война станет ядерной. А то, что мы увеличиваем и укрепляем армию — так всегда спокойнее быть сильным».

Полезно вспомнить, сколько было в газетах недоумений и издевательств по адресу тех западных «оракулов», которые летом 1968 г. предсказывали оккупацию Чехословакии. «Наш СССР — страна миролюбивая и все проблемы решает за столом переговоров, а «оракулы» и «маньяки» нарочно раздувают психоз, чтобы под шумок проводить милитаризацию, а также чтоб военные корпорации могли наживаться за счет налогоплательщиков». И точно так же после «решительных действий» 21 августа газеты, как ни в чем не бывало, возмущаются по поводу абсурдных измышлений западных политиков, твердящих о какой-то угрозе с Востока, о советских планах стремительной оккупации Западной Германии и Голландии. Нам говорят, что западные немцы мечтают спровоцировать конфликт, в котором сами же сгорят в первые же минуты. Для этого они вынашивают адские планы размещения атомных мин... на своей собственной территории.

Каждый хочет верить в мудрость партии и правительства, верить, что наша военная машина в надежных руках, что спокойнее быть сильными. Но наверху сидят профессиональные бюрократы. **Непрерывная и многолетняя война за карьеру сделала этих людей нашим правительством.** Они достигли успеха и, значит, действительно гениальны в искусстве интриг и взаимного подсиживания. Но в дворцовой борьбе за власть широта кругозора, деловые качества или государственная мудрость роли не играют. Это ясно каждому. Но не все отдают себе отчет в том, насколько руководители наши дезинформированы, насколько они ничего не понимают. Низкий уровень культуры дополняется отсутствием контакта с реальной жизнью, с миром, находящимся вне кабинетов, залов заседаний и правительственных дач. Конечно, к ним с докладом входит множество консультантов и референтов. Но референты знают, что докладывать, чтобы не очень огорчить «самого», чтобы не потерять место, а может быть и голову.

У высших партийных боссов очень мало времени и слышат они только то, что хотят услышать. Отсюда дезинформация и просчеты в государственной политике. Полные сознания собственной власти и важности принимаемых решений они готовы на все ради «великих целей». Но люди такого уровня способны рискнуть страной и челове-

чеством и просто так — столкнувшись с трудностями, запутавшись с хозяйством. Недаром в этих кругах существует ходячее выражение: «Война все спешет». А человеческие жертвы их никогда не останавливали. Эксперты внушили им, что угроза ядерного удара по территории СССР практически исключена. Кто осмелится заикнуться о мире, если будет принято окончательное решение? Кто сказал против хотя бы одно слово, когда Хрущев принимал решения, разорявшие страну? Все стояли по струнке. У этой машины нет тормозов. Бюрократическая стихия управляет страной. Никто не может предугадать, что руководство будет делать завтра. Наверху непрерывно идет невидимая война за власть. Не исключено, что разросшаяся военная машина направится в другую сторону — для начала руководство вздумает навести порядок в Китае, кровью наших ребят восстановить «единство мирового коммунистического движения». Ясно одно — те, кто подписывают приказ о начале военных действий, любую войну пересидят в подземных штабах и убежищах вместе со своими семьями и обслуживающим персоналом.

Что может их остановить? Попробуй послушаться, не подчиниться приказу — на то есть особый отдел, трибуналы. Страшная ответственность лежит на тех, **кто своим умом, талантом, организаторскими способностями создает для правящей бюрократии военную мускулатуру**, вкладывает ей в руки оружие массового уничтожения. Понимают ли они, на кого работают? Они честно служат партии и государству, выполняют важные правительственные задания, им много платят, дают премии, они очень нужны. Но кто знает, где последняя капля, когда хозяева страны окончательно уверуют в свое военное превосходство и решат, что довольно готовиться — пора действовать? При этом они почти наверняка просчитаются — недооценят противника. Но будет поздно. Война выйдет из-под контроля, а операторы у пультов пуска ракет автоматически выполнят любой приказ.

Созданный в 20-х годах социальный строй ликвидировал буржуазию, но заменил ее гораздо более мощным эксплуататором — единой государственной монополией. Опасность в том, что хозяева этой монополии держат в руках всю военную силу, громадный аппарат подавления и делают со страной и народом, что хотят.

Но, спрашивается, есть ли альтернатива. Как отнять страну у правящего класса и передать народу так, чтобы это не привело ни к восстановлению капитализма, ни к анархии? Как сделать, чтобы люди действительно получили по труду? И как обеспечить мирное будущее, сохранить жизнь на планете Земля?

1. **Альтернатива, конечно, есть.** Нужна политическая демократия. Что это значит? Демократия не означает анархии, и потому неизбежно существование определенного управленческого аппарата. Но государственная бюрократия не должна пользоваться абсолютной властью. Нужны выборность, сменяемость, гласность, критика. Однако каждый понимает, что власти соизволят реагировать только на такую критику, которая в силах привести их к отставке, в частности, к смене правительства. А это возможно только при наличии политической оппозиции, свободы партий и организаций, свободы слова. При условии, что выборные органы действительно имеют власть, а не служат для прикрытия бюрократической диктатуры. А диктатура любит прикрываться — взять хотя бы скучную комедию «выборов» без выбора, по единому списку.

С другой стороны, каждому ясно: пока в руках государства находится аппарат слежки и подавления, от какой угодно демократической конституции остается только словесная оболочка. Соблазн использовать государственную машину с целью остаться наверху навсегда очень велик. Чтобы государственные деятели даже не помышляли о такой узурпации, необходимо отделить от государства и партии судопроизводство и милицию, специальными комиссиями Верховного Совета контролировать деятельность органов госбезопасности и армии. Нужно предоставить ре-

альную автономию местным органам власти: государство не должно контролировать их бюджеты.

Все это у нас в газетах называется буржуазной демократией. Но это азы любой демократии, тогда как однопартийная система — синоним фашизма.

Самые хорошие демократические формы будут только ширмой для бюрократической диктатуры, пока не будет ликвидирована ее база — пока монополия государственная собственность на средства производства не будет заменена собственностью общенародной.

Все это не утопия, потому что сейчас, в эпоху второй промышленной революции, производственные отношения, свойственные единой централизованной монополии, вступают в конфликт с развитием производственных сил. Самая характерная черта этой революции состоит в том, что доля людей, занятых в непосредственном производстве, непрерывно убывает, и основной отраслью хозяйства становится научно-технологическая деятельность. Элемент неожиданности есть постоянная составная часть такой деятельности. Поэтому она не поддается ни прямому планированию, ни административному управлению. Можно поощрять открытия, нельзя их планировать. Главные здесь — это **многообразие организационных форм**, свобода исследований, свобода обсуждений и преподавания, открытие для профессиональных контактов границы, развитое патентное право. Кроме того, государственное регулирование производства экономическими, а не волевыми методами должно сочетаться с конкуренцией в условиях объективного рыночного ценообразования. Это есть единственный достаточно сильный стимул к качественному, а не только количественному развитию производства, к постоянной модернизации основных фондов, быстрой реализации новой техники и технологий. Но все это невозможно в рамках нашей косной системы, основанной на принципе приказ-подчинение, план-выполнение. А такая система есть закономерное порождение абсолютной государственной собственности на средства производства.

Есть только один способ экспроприировать правящую элиту, не восстанавливая при этом класса буржуазии — резко сократить монопольный государственный сектор, передав большинство средств производства, заводы, институты и т. д. в собственность трудовых коллективов или более широких производственных объединений. Администрация подобных объединений должна быть выборной, собственность должна быть полной. Никаких обязательных поставок, а только договорные работы и налоговые отчисления в государственный бюджет. Это не означает анархии производства, потому что демократическое государство мощными регулирующими механизмами, такими, как политика налогов, заказов, кредитов, в состоянии обеспечить пропорциональное развитие народного хозяйства, всеобщую занятость и исключение эксплуатации одних коллективов другими. Не состоявшиеся в Чехословакии шиковские реформы шли именно в таком направлении.

В стране должно существовать мощное и независимое от партии и государства профсоюзное движение, и необходимо восстановить такое священное право трудящихся, как право на забастовку. Потому что ни у кого не может быть монополии на полную правоту, и при самом демократическом устройстве неизбежны трудовые конфликты между государством и рабочими и служащими государственного сектора, между администрацией производственного объединения и рабочими отдельных предприятий.

Политическая борьба, мирные демонстрации, свобода печати и публичных выступлений, **постоянное столкновение различных мнений** должны быть нормой жизни общества. Прочно усевшиеся наверху демагоги внушают нам, что все это — анархия, дикий Запад. Эта ложь нужна им, как воздух. Они-то знают, что демократия только укрепляет законность, поскольку ограничивает их власть, гарантирует общество от произвола и анархии сверху.

2. Вполне естественно, что правящая «номенклатура» отказывается уступать требованиям жизни — добровольно власть никто не отдаст. В этих условиях неизбежно возникает оппозиция существующему правопорядку. Вне страны — в виде чешского эксперимента, внутри — в виде редких стихийных забастовок, открытых писем, призывов соблюдать Конституцию, отменить мертвящую партийную цензуру в литературе и искусстве; в виде массового «самиздата»; в виде публичных выступлений героев-одиночек против арестов, против оккупации Чехословакии. Малейшей критики в адрес руководства, произнесенной в общественном месте, достаточно, чтобы получить срок. В стране сейчас более полумиллиона политических заключенных.

Многие рассуждают так: «Живем сейчас неплохо, лучше не надо, а хуже может быть только потому, что всякие интеллигенты, студенты, чехи и евреи мутят воду. Разделаться с ними — и будет порядок». Власть искусно раздувает эти настроения, особенно в армии. На самом деле причин для успокоения сейчас меньше, чем когда-либо. Малейшее благосостояние населения — это живые деньги. Деньги эти очень нужны нашим руководителям. Устроят международную провокацию и «в связи со сложной обстановкой» издадут постановление. Одним росчерком пера — новое разорение деревни и всеобщее затягивание поясов. Разумеется, подобные меры разрушительно скажутся на хозяйстве, а значит впоследствии и на государственных доходах. Но ведь это же потом. Зато в данный момент лидеры сумеют залатать бюджет. Именно по такому принципу хозяйствовали Сталин и Хрущев. Именно такие методы диктует система. Подняв шум в газетах, сочетая шпиономию и борьбу с сионизмом, играя на глубоких национальных предрассудках населения, высшее начальство полагает, что самому непопулярному мероприятию оно обеспечит всенародную поддержку, всегда сумеет расправиться с недовольными.

Но главное — это угроза, что верхи закружат головы не только населению, но и себе. Тогда — возрождение сталинизма, грандиозный террор и прыжок в пропасть мировой войны. Усиленная милитаризация страны, резкое увеличение аппарата МВД-МООП*-КГБ, попытки реабилитации Сталина — все это происходит сейчас, на наших глазах. Эти тенденции нельзя рассматривать в отрыве от постоянно идущей наверху борьбы за власть. В этой борьбе кто-то неизбежно постарается использовать армию или разросшийся карательный аппарат. Но у нашей системы нет тормозов. Следует помнить, что в Китае «культурная революция» началась с преследования интеллигенции и некоторых национальных меньшинств.

Безответственность на всякого человека действует развращающе. А тем более на общественный организм. Пока армия послушна, пока низовые сотрудники «органов» рады выполнить любую инструкцию, не задумываясь, чью власть столь ретиво оберегают, пока народ верит своему правительству — хозяева страны знают, что руки у них развязаны: «Партия сказала — надо, народ ответил — будет».

На «расейском» начальстволюбии и долготерпении столетиями держалось самодержавие, возрос кровавый культ Сталина, но история идет вперед, и Россия теперь уже не та, что 100 или даже 20 лет назад. Широкие массы начинают думать, и это необратимый процесс. А власть имущие боятся народа. Недаром преследуют за одно слово протеста, недаром не жалеют денег на глушение радиопередач, недаром всю страну окружили колючей проволокой. Почему, например, финские граждане в воскресенье наводняют Ленинград, а ленинградцы не могут провести выходные дни в Хельсинки? **Почему границы Советского Союза закрыты для советских людей?** Потому что свободное общение с границей разоблачит газетную ложь о бедственном положении населения на Западе, расшатает

* Министерство охраны общественного порядка.

основы официальной пропаганды, труднее станет поддерживать внутри страны столь низкий уровень жизни. Надо сказать, что стремление замкнуться от внешнего мира натывается на противоположную тенденцию, вызванную технической необходимостью. Это частное проявление тех противоречий, с которыми сталкивается сейчас наша система.

Страна наша очень богата, уровень жизни может быть очень высоким, она может идти в ногу с веком. Но кадровый партаппарат прочно держит власть. **Мы вступили в критический период.** У наших верхов есть выбор — или провести действительные реформы, ослабив ту мертвую хватку, которой они держат страну, но выиграв в экономике и науке; либо поставить все ва-банк в глобальной ракетной игре. **Они склоняются ко второму варианту** — накопить сейчас достаточно сил, собрать их в кулак и рискнуть. Но если придется промедлить еще 5-10 лет, то экономическое отставание скажется и на военном потенциале. Руководители знают это, чувствуют, что наша неповоротливая хозяйственная система не может успешно справиться с бурным потоком в совершенствовании техники и организации производства. Верхи сознают, что в условиях мирного экономического соревнования придется постепенно уступать историческому прогрессу.

Формально все будет оставаться по-прежнему — главенствовать будут партбоссы. Но, скрепя сердце, они передоверят решение основных вопросов тем, кто в них разбирается и заинтересован — ученым, хозяйственникам, рабочим коллективам. На самом начальном этапе этого пути находится Югославия. Вперед по этому пути давно ушли бы страны Народной Демократии — но мы их тормозим, силой поддерживаем наиболее консервативные и догматические круги. Каждый шаг этого процесса будет приходиться в борьбе, будет искажаться уродливым наследием настоящего. Потому что все это не утопия, а историческая неизбежность.

Однако никаких уступок и реформ не будет: цензура и концлагеря, безобразия в хозяйстве, грабеж из кармана

трудящихся, угроза войны и террора — **все это будет сохраняться, пока волевая система управления страной позволяет руководству успешно идти к главной своей цели — военному превосходству в мире.** Плодотворные усилия ученых, инженеров, конструкторов, всех, кто прямо или косвенно работает на эту цель, — вот прочнейший цемент, скрепляющий фундамент режима.

Сила огромная, а направляют ее меднолобые бояре. Что может их остановить? — Только сознание, что еще не готово. Что на них действует? — Только страх за свою власть. Столкнувшись с угрожающим размахом народного возмущения, они откажутся от безумного курса. Всякое выступление меняет атмосферу в стране, служит примером для дальнейших действий. Крайне болезненно реагируют власть имущие на любое открытое заявление или выступление — с участниками расправляются беспощадно. А что мы делаем в ответ? — Радуемся, что порядок восстановлен, и продолжаем спокойно трудиться на пользу своим хозяевам.

Наряду с открытым гражданским протестом необходима каждодневная и очень важная деятельность — прояснение сознания в широких кругах общества, **чтобы как можно больше людей поняли, на кого работают.** В обстановке всеобщей нетерпимости к авантюрам и репрессиям верхи будут бессильны. Тем более, если в борьбе примут участие люди очень нужные и важные государству. В такой обстановке неизбежно усилятся позиции умеренных кругов даже в самом правящем слое. Нужно, чтобы каждый почувствовал ответственность за свою страну, за судьбу своих детей. Только пассивность и доверие гибельны, так как создают у правителей чувство полной безнаказанности.

От нас зависит гораздо больше, чем кажется. Народы Советского Союза могут быть хозяевами в собственном доме.

С. Зорин — преподаватель
Н. Алексеев — инженер

Ленинград, 1969 г.

Письмо в редакцию

В августовском номере «Ридер'с Дайджест» появилось сообщение о том, как КГБ старается и притом иногда успешно «ловить» иностранных дипломатов, чтобы их потом шантажировать и использовать в своих целях. Одним из агентов, принимавших участие в таких акциях, был писатель Ю. Кротков, который в 1963 г., находясь в экскурсионной поездке в Англии, попросил о политическом убежище, остался на Западе и за протекшие годы стал известным русской эмиграции своими статьями и рассказами. Ю. Кротков, еще находясь в Советском Союзе, написал манускрипт, в котором откровенно рассказывает о своей деятельности в качестве кооптированного (т. е. не штатного) агента КГБ. Он, разоблачая тактику КГБ, сообщает о своем участии в акциях против иностранных дипломатов.

Ю. Кротков с самого начала своей эмигрантской жизни стремился опубликовать историю своей далеко не добровольной, неприглядной и мучившей его деятельности. Как он повест-

вует, он всегда ставил себе задачей ее когда-нибудь, перебравшись в свободный мир, разоблачить. Однако, это намерение натолкнулось на Западе на пока непреодолимые препятствия. В Англии, где он получил политическое убежище, от него, по-видимому, опасаясь дипломатических осложнений, потребовали, как говорит Ю. Кротков, не опубликовывать этого материала. Стремление Ю. Кроткова предупредить Запад, показать западным дипломатам, насколько они подчас не подготовлены к своей деятельности в Москве, натолкнулось на непонимание и на нежелание знать все эти неприятные вещи, возможно, из-за боязни испортить свои отношения с Москвой, а, кроме того, и с де Голлем, так как одной из главных жертв акций, в которых участвовал Ю. Кротков, был старый друг де Голля, французский посол Дежан.

Вследствие этих причин первая публикация, к тому же еще краткая и не совсем точная и серьезная, написанная не самим Ю. Кротковым, а о

нем, появилась почти 7 лет спустя после его бегства на Запад. Остается только надеяться, что теперь, когда стена молчания все же пробита, Ю. Кроткову удастся опубликовать полностью свою рукопись и подробно рассказать свою историю.

Самое желание Ю. Кроткова открыть неприглядные факты своего прошлого может у многих натолкнуть на недоумение. Когда А. Кузнецов откровенно рассказал о некоторых своих не совсем хороших поступках, хотя и не такого веса и значения, как вышеуказанные, то нашлись люди, которые недоумевали, зачем он это делает. Между тем А. Кузнецов объяснил свою откровенность тем, что он хочет начать новую жизнь с чистой совестью, вытолкнуть, так сказать, из души те темные пятна, которые советская действительность на нее наложила. Такие же побуждения, наряду с желанием показать одну из мрачных сторон режима, господствующего на нашей родине, руководили и Ю. Кротковым, когда он стремился опубликовать свою историю. Достаточно только немного задуматься, чтобы стало ясно, что это — достойное побуждение, за которое нельзя осуждать человека. Тем более, что это, конечно, нелегко.

Легче, вероятно, было бы с самого начала все скрыть. Так многие и поступают. Ни для кого не секрет, что в эмиграции есть не так уж мало людей с прошлым, аналогичным прошлому Ю. Кроткова, но они молчат о своем прошлом, и никто и нем не догадывается.

Кроме политического и морального аспекта, в свете которого, конечно, лучше и чище поступает тот, кто открыто рассказывает о своем прошлом, чем тот, кто о нем умалчивает, есть в этом деле и практический аспект. Люди, скрывающие свое не совсем приглядное прошлое, подвержены все время опасности шантажа. Советские агенты могут попытаться снова поймать их на свою удочку под угрозой разоблачить их прошлое и тем самым, быть может, уничтожить ту карьеру и то почетное место в обществе, которое они тем временем себе завоевали. Для Ю. Кроткова эта опасность отпадет, поскольку он сам о себе обстоятельно рассказал. Это дает ему и в более широком смысле внутреннюю свободу поступать согласно своему убеждению и совести, не оглядываясь на прошлое с боязливой мыслью, что оно вдруг окажется разоблаченным и ворвется резким диссонансом в новую жизнь.

Нет сомнения в том, что человек, порвавший со своим прошлым, риску яжизнью, раскаявшийся в том, что было дурно и добровольно рассказавший об этом прошлом, достоин уважения и является с этого момента борцом против зла, которое царит на нашей несчастной родине, и частью ко-

торого ему самому роковым образом временно пришлось быть.

Ужас тоталитарного режима заключается как раз в том, что человеку так трудно удержаться от всякого участия в злодеяниях режима. Стоит лишь по принуждению, по легковёрности или необдуманности вступить хоть в какое-нибудь сотрудничество с режимом, и человек бывает затянут в эту машину. Для того, чтобы выскользнуть потом нужно уже настоящее героическое.

Ю. Кротков рассказал в своей статье «Письмо мистеру Смит» («Новый журнал», № 86) о фатальной неизбежности, в которую в Сов. Союзе втянут писатель. О ней же повествует А. Анатолий (Кузнецов) в своем докладе «Внутренний цензор» («Зарубежье», № 2 [26]). Исключения только оттеняют ту роковую обстановку, в которой живут не только писатели, но и другие граждане Сов. Союза. Конечно, степень замешанности в компромиссе со злом, в самом зле, разная, и хотя принцип остается одним и тем же, но и степень играет большую роль. Никто этого не будет отрицать.

Но, главное, что мы должны понять, читая повесть Ю. Кроткова или подобные ей, это то, что режим на нашей родине громит не только тела людей заключением, пыткой, как это было, например, с покойным А. Беллинковым, но и их души. У Ю. Марголина в его книге «Путешествие в страну ЗЕ-КА есть такое место: «Надо сказать ясно, что вне пределов досягаемости общественного мнения мира происходит по ту сторону совет-

ской границы небывалая в истории человечества расправа, небывалая казнь человеческих сердец». Ю. Марголин пишет о концлагере. Однако, калечение человеческих душ происходит и на воле, и во внешне благополучных условиях материальной устроенности, казенных дач, благоустроенных квартир, и здесь-то, может быть, внутренне еще страшнее, чем за колючей проволокой концлагеря. Не случайны самоубийства некоторых всеми чтимых и высокостоявших на общественной лестнице советских писателей, самоубийства, о которых упоминает А. Анатолий (Кузнецов) и о которых рассказал тот же Ю. Кротков в своей статье «Самоубийства советских писателей» («Новый журнал», № 91).

Нет сомнения, что каждый честный человек, в каком бы положении он ни находился, несет ответственность за свои поступки и решения. Этой ответственности Ю. Кротков ни в коем случае не отрицает. Но гораздо более страшную ответственность, чем отдельный человек, часто поставленный в тяжелое, почти безвыходное положение, несет режим, который систематически ставит человека в такую ситуацию, когда альтернативой бывает лишь мученичество или согласие на аморальное сотрудничество.

Нам, живущим в эмиграции, нужно ни на минуту не забывать этого трагического положения нашей родины, ни на минуту не ослаблять нашего голоса протеста, присоединяющегося к все более растущему протесту на нашей родине.

С. Орлов

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАГРАНИЦЕЙ 1918—1968. Издательство Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (печатано в Нью-Йорке). Том I, 1968, 4° (печатано в два столбца), 761 столбец; Том II, 1968, столбцы 762—1451. Текст по старой орфографии. Большое количество иллюстраций. Издание вышло под редакцией гр. А. А. Соллогуба. Цена не указана. Выписывать через канцелярию Архиепископского Синода Русской Зарубежной Церкви: 75 East, 93 Str. New York. N. Y. 10028. USA.

Прекрасно изданные томы, которые можно было бы также назвать альбомами с сопроводительным текстом.

Хотя к Зарубежной Православной Церкви принадлежит громадное число русских эмигрантов и их потомков, расселенных по разным странам свободного мира, — об этой Церкви, истории и причинах ее существования, о ее современном состоянии, — знают немногие. А те, кто знает, имеют часто неполные, или даже совсем ошибочные представления о ее канонических основаниях, истории, объеме и составе. Поэтому выход в

свет этого издания был давно необходим. Выпуск его приурочен был к 50-летию бытия Русской Православной Зарубежной Церкви.

В первом томе видное место занимает обширный **исторический очерк** этой церкви. В нем подробно (с цитированием в тексте соответствующего документального материала) излагается возникновение Зарубежной Церкви, начиная от основания в 1918 году, еще на территории России, Высшего Церковного Управления в областях, в силу событий гражданской войны, лишенных контакта с Патриархом Тихоном. Подробно описывается возникновение тех известных и прискорбных разделений Зарубежной Церкви на различные юрисдикции, с разбором причин, их вызвавших, история отделения от Зарубежной Церкви частей ее в Америке, образовавших Американскую Митрополию и судьбы Зарубежной Церкви на Дальнем Востоке до конца 2-ой мировой войны. Очерк составлен гр. А. А. Соллогубом и снабжен многочисленными портретами, группами и видами, относящимися к теме очерка. Кроме того документиро-

ванно изложены канонические основания и идеология бытия Зарубежной Церкви, ее постепенное распространение по мере расселения русских эмигрантов, в значительной своей части уже натурализовавшихся в тех государствах, в которых они расселились.

Каноническая и идеологическая сторона бытия Зарубежной Церкви наиболее основательно изложена в окрестном послании Собора русских заграничных архиереев по поводу послания Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола, Митрополита Сергия, от 23 марта 1933 г. Это окружное послание зарубежных архиереев теперь давно уже забыто, тогда как оно представляет собой исторический документ чрезвычайной важности. Поэтому новое опубликование его необходимо для уяснения причин, обусловивших дальнейшее существование Зарубежной Церкви и отказ ее (духовенства и мирян) подчиниться требованиям советской власти, передаваемым через позволенное советскими властями управление Православной Церковью в СССР.

Большое внимание в 1-м томе уделено Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, основанной более 100 лет назад и владеющей в Палестине большими участками и зданиями. Эта Миссия находилась после первой мировой войны безраздельно в ведении Зарубежной Церкви. После второй мировой войны те владения Миссии, которые оказались на территории Израиля, были переданы израильским правительством в ведение Московской Патриархии. Те же владения, которые оказались на территории Иордании, остались в ведении Архиерейского Синода Зарубежной Церкви. Дана краткая история Миссии и описание церквей, участков и монастырей Миссии, из которых многие имеют большую историческую и религиозную ценность. В этом описании приведено множество фотографий и портретов. (Здесь следует внести исправление: при столбцах 414—415 помещены 3 портрета бывших начальников Миссии, архимандритов Антония, Антонина и Леонида. Но подписи под этими портретами перепутаны: средний портрет принадлежит не архимандриту Леониду, а архимандриту Антонину (1865—1894), правый — архимандриту Леониду (начальствовал до 1914 г.); левый портрет подписан правильно). В описание не включены владения, переданные Израилем Московской Патриархии (а их не мало). Почему-то не помещен портрет Начальника Миссии, архимандрита Киприяна (1931—1934).

Остальную часть первого тома занимает описание церквей, монастырей и приходов Русской Зарубежной Церкви в США, а также снабженное многочисленными фотографиями, а также церквей на Дальнем Востоке, до взятия их Московской Патриархией.

Во втором томе главную часть занимает описание епархий Зарубежной Церкви в Европе, а затем — в Южной Америке, Канаде, Африке, Австралии и Новой Зеландии, а также и Миссии в Индии. В отделе, посвященном Германии, приводятся также фотографии некоторых церквей, принадлежавших Зарубежной Церкви, но после раздела Германии на восточную (подсоветскую) и западную (свободную), оказавшихся на территории восточной Германии и взятых Московской Патриархией (Веймар, Потсдам, Берлин, Берлин-Тегель, Дрезден, Лейпциг и др.). Заметим, что некоторые из этих церквей построены были на пожертвования частных лиц.

В обоих томах, при большей части фотографий церквей и приходов, сообщается и краткая история их постройки, возникновения прихода или общины и сведения о главных деятелях. Немало сообщений (с фотографиями) о школах для русских православных детей и о курсах для взрослых, основанных при церквях и приходах, а от-

части и при монастырях Русской Зарубежной Церкви в разных странах. Эти школы и курсы имеют большое значение для сохранения русского языка и православия среди тех русских, которые вкраплены в местное население и потому особенно сильно подвержены денационализирующему влиянию того населения, среди которого им приходится пребывать. С другой стороны, эти начинания знакомят местное население с русским бытом и с православием.

Уже только перелистывая эти два тома, можно получить впечатление о большой распространенности и силе Зарубежной Церкви. Наряду со скромными барачного типа и домовыми церквями — великолепные большие храмы прекрасной архитектуры, созданные средствами верующих (а иногда даже отчасти и их руками), торжественные богослужения с многочисленным духовенством и множеством народа, крестные ходы и т. д. Интересно сравнить эти томы со «Списком архиереев, священнослужителей и приходов Русской Зарубежной Церкви с их адресами», печатаемым ежегодно в Православном русском Календаре (издается Св.-Троицким монастырем в Джорданвилле, штат Нью-Йорк). Отчасти можно было бы назвать собрание фотографий в этих двух томах — иллюстрацией к этому списку, — с такой заботой и любовью собраны фотографии и материалы. Изданы оба тома превосходно и, если некоторые фотографии и не совсем удачны, то это относится к их почтенному, почти 50-летнему возрасту и редкости снимков, — что никак не умаляет их исторической и осведомительной ценности.

Издание это имеет значение не только для истории Зарубежной Церкви: оно в высокой степени ценно для каждого, русского и нерусского, который интересуется судьбами русской духовной культуры вне СССР и представляет собой большую ценность для историка русской эмиграции.

И. Гарднер.

В № 4 (24) нашего журнала была помещена статья ныне покойного А. В. Белинкова «Западная интеллигенция, советская оппозиция, и свобода, которой угрожает смерть».

Краткое редакционное предисловие с фактическими данными о Белинкове было составлено на основании большой статьи о Белинкове. Э. Штейна, помещенной в «Новом Русском Слове». Отчасти заметка состоит из дословных цитат из упомянутой статьи.

Редакция

Э. Светлов: *Истоки веры*. Изд-во „Vie avec Dieu“, 206, Avenue de la Couronne, 1050 Bruxelles. Belgique.

Книга апологетического характера, выпущенная католическим издательством «Жизнь с Богом», повествует о ряде основных проблем, интересующих мыслящих людей. Заглавия отдельных глав: «Религия и Культура», «Пути познания», «Человек перед Богом», «Творение, эволюция, человек», «Образ и подобие» и «Иллюзия прогресса». Очень интересны и приключения: Статистика религий, современная космогония, о мирозерцании Дарвина, предок человека, кибернетика и религиозное мировоззрение, Циолковский и атеизм, Тейар де Шарден.

С. О.

★

Пластинка с литургией Чайковского.

Недавно фирмой Philips во Франции выпущена новая грампластинка Nr. A 837.928 LY (серия Trésors classiques) с литургией оп. 41 П. Чайковского. Напета пластинка хором „Ensemble Tchaïkovsky“ (русский хор) под управлением Галины Григорьевой. Г. Григорьева — регент хора церкви Всех святых земли Русской (ул. Claude Lorrain, юрисдикции Русской православной зарубежной церкви) в Париже и профессор парижской русской консерватории им. С. В. Рахманинова. Хор впервые выступает с пластинкой. Пластинка эта полнее известной пластинки с Литургией Чайковского, напетою хором Н. П. Афонского в Нью-Йорке, выпущенной фирмой Westminster под Nr. XWN 18727, кроме того напета она лучше и стильнее, нежели пластинка хора Афонского. Исполнение более соответствует богослужению, чем правда музыкально-эффектная, но немного напыщенная, тяготеющая к светскому стилю, трактовка этого произведения Чайковского Афонским. Подбор голосов и уравновешенность хора на парижской пластинке — превосходны; даже в знаменитом «Верую», где многим хорам приходится чуть ли не кричать, г-жа Григорьева сумела достичь fortissimo без крика, несколько не уменьшив выразительности пения. В исполнении чувствуется уверенная рука дирижера, его тонкое проникновение в связь между текстом и музыкой, богослужебная чуткость, и, — что очень располагающе действует на слушателя — отсутствие рисовки техническими возможностями хора: эти возможности ясны и без подчеркивания их (что чувствуется на Нью-Йоркской пластинке). Поэтому мы отдаем преимущество Парижской пластинке перед Нью-Йоркской, особенно в вопросе богослужебной трактовки партитуры Чайковского.

В. С.

ХРОНИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● Первое выступление Рудольфа Нуреева в Мюнхене (ФРГ) прошло без особого успеха. Он танцевал в гастрольном спектакле Голландского Национального Балета довольно слабого состава. Были поставлены три балета: «Пакита», «Аполлон» и «Монумент умершему юноше». Сольные выступления Нуреева имели у публики большой успех, но постановка балетов не понравилась. Первый был даже оскандален.

● В Холливуде (США) в зале Пломмер Парка состоялся концерт, посвященный памяти П. И. Чайковского, при участии учеников музыкальной студии В. Л. Орданского. В. Г. Хейс сказал вступительное слово, посвященное биографии и творчеству знаменитого композитора. Концерт состоялся из трех отделений. Наибольшего успеха добились Александр Миллер и Самуэль Кэрролл, исполнившие на двух роялях первую часть Концерта-Фантазии оп. 56 и Andante из Концерта № 1. В концерте участвовали еще следующие молодые пианисты (в порядке их выступлений): Г. Катков, Р. Каслер, И. Руджери, Т. Бутко, В. Гор, Н. Григорьева, Н. Будило, Л. Гончарова, Л. Кауфман, А. Руджери, М. Флори, В. Гор. После окончания концерта председательница сестричества св. Покровской церкви В. Г. Мангина поблагодарила всех участников от имени сестричества, в пользу которого был передан доход от концерта.

● На концерте питомцев Русской Консерватории им. С. Рахманинова в Париже выступили по классу рояля ученики профессоров: Е. Савицкой, С. Соборницкой, Г. Гавриловой, З. Дига и М. Мажена; по классу скрипки: А. Андреева; виолончели: М. Хювечен; вокально: Е. Лушникова, С. Яковлева и М. Вальдарнини.

● 130-летие со дня рождения Петра Ильича Чайковского было отмечено русской колонией в Стратфильде (Австралия) концертом. Устроительнице концерта пианистке Н. В. Блохиной-Баклидской удалось составить прекрасную программу и заручиться участием первоклассных артистов.

● Нью-Йорк. Культурно-Просветительный Комитет Американско-Русского Союза помощи продолжает устраивать ежемесячные концерты в Доме Свободной России, под руководством Д. Н. Конради. На отчетном годовом концерте первое отделение было посвящено классической музыке: Баху и Моцарту. Выдающийся успех имел тенор Дмитрий Михов (болгарин), исполнивший драматические арии из опер Пуччини и русские романсы. Лидия Кошман (драматическое сопрано) исполнила арии Сантици, Тоски и Гореславны. Александра Лангада оживила программу исполнением опереточных арий, романсов и песенок легкого жанра. У рояля были Д. Н. Конради и Джеф Рейнер (из его студии).

● Основанный Алексеем Золотухиным в Лондоне (Англия) ансамбль «Балалайка» насчитывает 14 музыкантов, играющих на балалайках и домрах, обладающих большой известностью в Англии и только

что закончил музыкальное турне по Европе. Ансамблем наиграно несколько грампластин. В программе — русские народные песни.

● 190 картин знаменитого русского художника Василия Кандинского, одного из главных основоположников абстрактной живописи, было показано на выставке в Баден-Бадене (ФРГ) в июле и августе с. г. Каталог выставки справедливо указывает на то, что Кандинский сыграл решающую роль в новом направлении живописи начала XX столетия, освободившем ее от оков предметности. Критика не обходит молчанием и литературные работы художника, выделяя при этом его всемирно известный труд «Духовное в искусстве». Особую благодарность заслужила вдова художника Нина Кандинская, впервые предоставившая 50 картин для выставки в Германии.

● В помещении «Volksmuseum» в Мюнхене (ФРГ) состоялась выставка икон, написанных художником Николаем Николаевичем Шелеховым. Показано свыше 60 икон, написанных в классическом стиле. О работах русского иконописца появилось много лестных отзывов в немецкой периодике и показано несколько передач в телевизионной программе ФРГ. Из его работ необходимо отметить иконostas в православной церкви в Саарбрюккене (ФРГ).

● Мюнхен. В этнографическом музее была устроена выставка икон работы русского художника Николая Шелехова, привлекая большое внимание немецкой публики. Выставка устроена профессиональным союзом деятелей изобразительного искусства города Мюнхена. Выставка продолжалась с 9 мая по 7 июня.

● В конце минувшего года было основано «Общество любителей церковного пения», насчитывающее большое число членов, из которых часть живет вне Франции. Деятельность Общества началась в декабре 1969 года. До мая включительно состоялось несколько докладов, из которых следует отметить доклад Н. Н. Кедрова о духовно-музыкальной деятельности П. Г. Чеснокова. Намечен еще ряд докладов о композиторах Капстальском, Красностовском, Львовском и др. В задачи Общества входит, между прочим, составление нотной библиотеки для общего пользования, печатание нот и учебников, составление и издание пособий по церковному пению, собрание музыкальных записей для дискотеки и тениотеки (собрания магнитофонных лент), и т. д.

● Творчеству поэта Дмитрия Иосифовича Кленовского был посвящен вечер в Русской библиотеке в Мюнхене (ФРГ). В вступительном слове А. Н. Неймирок назвал Д. И. Кленовского поэтом старой школы. Стихи поэта прочитали В. Г. Семенова, Г. М. Митина, В. А. Древинг, Л. И. Пятаевский и Ю. М. Готовчиков.

● При редакции еженедельной газеты «Русская Мысль» каждую субботу с 11 до 12 часов дается юридическая консультация. Адрес: 91, rue Faubourg Saint-Denis, Paris — 10, комната № 75, телефон 8248316.

● Литературно-художественный кружок в Сан-Франциско и в Берли (США) закончил подготовительные работы по изданию сборника «О русской женщине в эмиграции».

● Место отдыха многих русских в США — ферма Рова существует уже 36 лет. За это время это предприятие многократно увеличилось: собственное озеро с купальнями и лодками для катания, парк-ресторан, дом престарелых, дом административных, несколько мотелей, зал для банкетов, библиотека имени Л. Н. Толстого, кино. А самое главное — построен св. Владимирский храм-памятник.

5 лет тому назад в день св. Владимира на ферме Рова происходило большое празднество, съехалось множество народа. И вот тогда случилось непредвиденное несчастье: молодой американец Мэк Лофлин, не имеющий к ферме никакого отношения, решил выкупаться на озере в месте, где купание было запрещено. Он прыгнул в воду с мостиков там, где глубина была около 1 метра, и повредил себе при этом позвоночник. Он остался парализованным на всю жизнь. Мэк Лофлин предъявил иск к ферме Рова в размере 274.000 долларов. В третьей инстанции Высший Суд штата Нью-Джерси утвердил этот иск к ферме Рова. В распоряжении фермы имеются: 50.000 — внесло страховое общество, 100.000 — одолжила св. Владимирская кладбищенская корпорация, 40.000 — одолжил Дом для престарелых и 35.000 — получено от Фонда «Спасите Фарму Рова». Не хватает еще 49.000 долларов, которые в данное время усиленно собираются. Нет сомнения, что благодаря энергии правления и популярности общества у русской колонии США и эта сумма будет собрана и Ферма Рова продолжит свою плодотворную деятельность еще много лет.

● Леонид Владимирович Финкельштейн, известный под своим литературным псевдонимом как Леонид Владимиров, принял участие в «Международном конгрессе писателей», состоявшемся в Сеуле (Южная Корея). Конгресс был открыт председателем Корейской республики Парк Чунг Хийом, сказавшем в своей вступительной речи: «Корея была долгое время сиротой Азии, теперь она стала ее фонарем». Леонид Владимирович сделал на съезде доклад о трагическом положении современной русской литературы в Советском Союзе.

● Много русских, населяющих поселок «Вилла Просперидате» в Сан-Паулу (Бразилия), лежащий на берегах речки Тамадунатэ, сильно пострадало от наводнения. Русские беженцы, приехавшие в Бразилию после Второй мировой войны, поселились в районе речки Тамадунатэ, так как участки земли здесь были дешевле. За последние годы осушены болота, в которые разливалась вода речки в период тропических дождей. Теперь вода заливая район «Вилла Просперидате» («Благополучия»).

● На всеканадской этнической выставке в Торонто принял участие, наряду с другими 34 этническими группами, и «Русский центр — Волга». Русский центр был устроен в приходских залах русского православного собора Христа Спасителя. Необходимо отметить прекрасно сделанный священником о. Г. Беляем и Г. П. Гурским макет храма Василия Блаженного. В нижнем зале была

выставка картин художника В. П. Мака. На сцене выступали две балетные группы, исполнявшие русские народные танцы. С успехом были спеты народные песни.

● Торжественное празднование 48-й годовщины основания Харбинского политехнического института состоялось в Сиднее (Австралия). По случаю юбилея был выпущен второй номер журнала «Политехник».

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего российского рассеяния.

● Праздник Союза бывших русских летчиков был отмечен Калифорнийским отделом союза 1 августа с. г. в Сан-Франциско. Торжество началось молебном пророку Илье, небесному покровителю русских летчиков. После молебна в ресторане Эрмитаж состоялся банкет. Приветственное слово сказал председатель отдела В. С. Антоненко. Были оглашены поздравления от бывших русских летчиков из Франции, ФРГ, Австрии, Греции, Югославии и США.

● Первые русские эмигранты прибыли в Тасманию вскоре после окончания Второй мировой войны. В 1963 году была закончена постройка русского православного храма в честь Воздвижения Креста Господня. Старостой храма избран Н. А. Щеглов, а казначеем В. К. Сладкопевцев.

● Русский ученый Б. С. Бровцин участвовал в составе делегации из США в международном симпозиуме в Рединге (Англия) по изучению водного баланса земного шара. Б. С. Бровцин сделал доклад о водной системе Великих озер и реки св. Лаврентия.

● А. Долгополов пишет на страницах журнала «Родные Дали» № 195 о проведенных им поисках остатков русской крепости в заливе Якутат, на Аляске, построенной согласно приказам тогдашнего правителя Аляски Баранова в 1795—96 годах. В 1805 году на крепость напали индейцы, перебили гарнизон и всех жителей селения, которое называлось Новороссийском. А. Долгополову удалось найти место сгоревшей крепости, после того как он обнаружил остатки обугленных срубов. Металлическую плиту — заявку, что это русская земля, заложенную в 1786 году, найти не удалось.

● Проф. Н. В. Федоров (атаман Войска Донского за рубежом) прочел лекции по высшей гидравлике при Делфтском университете (Нидерланды).

● Сан-Паулу (Бразилия). В этом году десятки молодых людей из семей русских эмигрантов поступили в высшие учебные заведения Бразилии. В этом году получили дипломы высших учебных заведений: Людмила Криворотко (д-р меницины), Ангелина Василенко (юрид.). Татьяна Александрова-Франки (зубо-

врач.), Дмитрий Шокальский, Павел Феофилов и Юрий Александров — дипломы инженеров.

● По случаю 10-летия Австралийского Округа Витязей С. А. Рябовым и Л. В. Чуйко был снят цветной фильм о деятельности этой юношеской организации. В фильме показаны: молебен в церкви в Кройдоне, парад, лагерь «Русь» в Голубых Горах, ночной поход и мн. др.

● Нью-Йорк (США). Русским драматическим кружком Св.-Сергиевской гимназии был устроен музыкально-вокальный концерт с выступлением учеников и учениц гимназии в сценках по произведениям Пушкина и Чехова. Нужно отметить безукоризненный русский язык исполнителей, в стенах по существу американской государственной «хай скул», где официальным языком является английский. Это было оценено переполнившимися большой синодальный зал дружными школы, во главе с Митрополитом Филаретом. Программа состояла из семи номеров: 1) «Лошадиная фамилия» — Чехова; 2) Трио «Что стоишь качаясь», «Не брани меня, родная» и «Два берега» в исполнении М. Русановской, Н. Ильинской и Т. Чистяковой; 3) Монолог Сони из «Дяди Вани» Чехова (Наташа Ковалевская); 4) Музыкальные сценки из «Жизни за Царя» Глинки, в исполнении на рояле М. Русановской; 5) Сцены из «Евгения Онегина» — в постановке и музыкальном оформлении С. Н. Жаго; 6) Оркестр под управлением Б. М. Ледковского: «Полночь», «Вальс» и «Светит месяц»; 7) хор под упр. М. С. Секулича: «В шапке золота литого», «Ивушка» и «Слети к нам тихий вечер».

Все ученики-исполнители прекрасно выполнили свои роли. Конферировал ученик 11 класса Н. Мусин-Пушкин.

Нужно принять во внимание, что эта сложная программа была подготовлена в период полугодовых экзаменов, в дни наибольшей школьной нагрузки. Концерт имел большой успех.

● В этом году в Париже было отмечено 50-летие основания Русской Гимназии. Первым директором ее был В. Недачик, после него — Б. А. Дуров. Одним из основателей и бессменным инспектором был С. Б. Потич. В гимназии, в год ее основания (1920 г.) было 200 учеников и 18 преподавателей. Большую роль в поддержке гимназии сыграли М. А. Маклаков и леди Детердинг. Гимназия просуществовала, пережив неимоверные трудности, 40 лет. На 50-летие гимназии собрались проживающие в Париже ее бывшие воспитанники и оставшиеся в живых представители педагогического персонала.

● 18 июля на «Толстовской ферме» вблизи Нью-Йорка состоялось освящение нового дома для престарелых. С докладом выступила А. Л. Толстая.

● Дому отдыха белых воинов в Монферней (Франция) исполнилось 15 лет. В доме 30 комнат, 2 зала, служебные помещения, телевизор и библиотека.

● В новопостроенном доме для престарелых в Брисбене (Австралия), рассчитанном на 35 человек, имеется 15 вакантных мест. За прекрасно обставленную комнату с отоплением и полным пансионом взимается плата в 12 долларов в неделю. В доме имеются обставленная мягкой мебелью гостиная с телевизором и большая столовая. Русский врач приезжает один раз в неделю. Недалеко находится православная русская св. Серафимовская церковь. Дом выстроен на пожертвования, собранные Рус-

ским благотворительным обществом в Брисбене.

● Русское благотворительное общество (РБО) в Сиднее (Австралия), известное своей активностью, поставило себе новую задачу: построить больницу для хронически больных, за которыми дома некому присматривать и которых невозможно поместить в обыкновенную больницу. Для сбора средств на это новое дело РБО устроило лотерею и большой бал. Но собранных средств хватит только на начало работ. Дело русской общечеловечности — поддержать РБО.

● Русский старческий дом в Хилевилле (Австралия) отметил свой 10-летний юбилей. После литургии, отслуженной протоиереем о. Тихоном Киричук, владыка Феодосий отслужил молебен и в своем слове отметил необходимость создания таких домов, а также благодарил деятелей Благотворительного общества им. св. прав. Иоанна Кронштадтского за их труды по созданию и содержанию дома.

● На кладбище Фокнер в Мельбурне (Австралия) воздвигнут памятник погибшим воинам Освободительного Движения и казакам. У памятника совершаются заупокойные богослужения в памятные дни.

● Расходы по созыву Третьего Всезарубежного Собора, согласно постановлению Архиерейского Синода, оцениваются в размере примерно 50 000 долларов. Сбор средств поручен Попечительству о нуждах Русской Православной Церкви за границей. Пожертвования просят направлять по адресу: Fund for Assistance, 75 E 93-rd street, New York, N. Y. 10028 U.S.A. с указанием «на Всезарубежный Собор». Собор, в котором примут участие представители клира и мирян, состоится в св. Троицком монастыре.

● 31 июня с. г. в Мельбурнском соборе была отслужена всенародная панихида по казакам и казачкам, погибшим при выдаче казаков советам в Лиенце (Австрия) в 1945 году.

● Попечительство о Русской Православной Церкви за границей (США) организовало паломничество на св. Землю, в Грецию и в Бари (Италия). В Бари паломники побывали у мощей св. Николая Чудотворца.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника.

Адрес редакции:
SARUBESCHIE
8 München 86
Postfach 860327
Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 30 / 90 246
Банк: Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14